Д-ръ Н. Н. КАЗАНСКІЙ.

ВБЛИЗИ ПАМИРОВЪ

Изданіе центральнаго книжнаго магазина подъ фирмой „Букинистъ“ въ Ташкентѣ.

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменскіе.
1895.

Дозволено Цензурою. 24 Іюня 1895 г. г. Ташкентъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I.—Ближайшія цѣли поѣздки и политическое ея значеніе.—Дорога по Чоткалу.—Золото чоткальскихъ горъ.—Природа ихъ.—Условія колонизаціи горныхъ долинъ.—Перевалъ Кара-буры и долина Касанъ-Сая . . 1.

Глава II.—Касанъ, его отдаленное и недавнее прошлое.—Наманганъ.—Прошлое и настоящее ферганскихъ городовъ.—Экономическій прогрессъ Андижана.—Ошъ.—Дорога до Гульчи.—Гульча . . . . 21.

Глава III.—Царица Алая.—Дорога до Суфи-кургана.—Новыя встрѣчи.—Уй-ташъ.—Терекъ-даванъ, его природа; историческія замѣтки.—Дорога до Иркейштама . . . . . . 42.

Глава IV.—Иркештамъ.—Китайскій пограничный начальникъ и его отрядецъ.—Положеніе русскихъ торговыхъ людей въ Китаѣ.—Торговля Ошско-Кашгарской линіи . . 64.

Глава V.—Дорога къ Алаю.—Природа Алая.—Кызылъ-су и ея притоки.—Образъ жизни населенія 84.

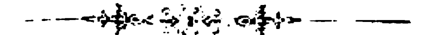
Глава VI.—Памиры.—Ихъ изслѣдователи.—Отношенія Англіи къ Памирамъ и ея политика въ сопредѣльныхъ странахъ.—Англійскіе путешественники на Памирахъ . . . 108.

Глава VII.—Наши ожиданія.—Трехрублевая экспедиція Каргина.—Извѣстія о намѣреніи от-

рядѣ Іонова.—Инцидентъ съ кап. Юнгусбандомъ.—М-ръ Эліотъ.—Дараутъ-Курганъ 132.

Глава VIII.—Стоянка въ Дараутъ-Курганѣ.—Бухарскіе гости: визитъ къ нимъ.—Дараутское ущелье, его природа.—По ту сторону Тенгизъ-бая.—Отъ Лянгара до Аустанга.—Слухи о шайкѣ.—По поводу волненія 1885 г.—Дорога до Учь-кургана . . 152.

Глава IX.—Встрѣча съ канджутцами.—Канджутъ и Англія.—Визитъ г. Громбчевскаго къ Сефдеръ-Али-хану: его послѣдствія.—Канджутское посольство.—Новый Уапсъ изъ Канджута; его мнѣніе о Россіи . 179.

I

Ближайшія цѣли поѣздки и политическое ея значеніе.—Дорога по Чоткалу.—Золото чоткальскихъ горъ.—Природа ихъ.—Условія колонизаціи горныхъ долинъ.—Перевалъ Кара-буры и долина Касанъ-сая.

Лѣтомъ 1891 года туркестанскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій предпринялъ поѣздку по нагорнымъ частямъ Сыръ-дарьинской и Ферганской областей.

„Ближайшими цѣлями предпринятой поѣздки были, между прочимъ: изученіе Чоткальской долины въ отношеніи возможности ея колонизаціи и проложеніе по ней удобной дороги для сообщенія между долиной Чирчика, въ которой расположенъ городъ Ташкентъ, и Ферганой, подробное изслѣдованіе пути изъ Ферганы въ Кашгарію и

ознакомленіе съ Алайской долиной". Такъ говоритъ полуофиціозная статья, помѣщенная въ „Русскомъ Инвалидѣ" отъ 13 октября 1891 г. Но, помимо этихъ цѣлей, Алайская долина сосредоточивала на себѣ вниманіе еще и потому, что тамъ, за Заалайскимъ хребтомъ, ходилъ въ это время дозоромъ русскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Іонова. Задача его заключалась въ томъ, чтобы прекратить поползновенія сосѣдей на занятіе русской территоріи, принявшее за послѣдніе годы, благодаря недостаточной охранѣ этого отдаленнаго края, слишкомъ значительные размѣры, тѣмъ болѣе, что безцеремонность захватовъ находила себѣ объясненіе только въ поддержкѣ, оказываемой англійскими офицерами, участившими за послѣднее время свои посѣщенія нашихъ памирскихъ границъ.

Молва объ экспедиціи, во главѣ которой стоитъ самъ Командующій войсками округа, быстро, разумѣется, дошла до сосѣдей, и всѣ они поняли, что дѣйствія памирскаго отряда, подкрѣпляемыя личнымъ присут-

ствіемъ начальника края по близости отъ Паміровъ, составляютъ вполнѣ опредѣленное и рѣшительное намѣреніе русскаго правительства отстоять свою территорію отъ всякихъ дальнѣйшихъ на нее посягательствъ. Въ этомъ смыслѣ пребываніе Командующаго войсками въ Алайской долинѣ имѣло и политическое значеніе.

Въ экспедиціи участвовали: какъ извѣстный знатокъ края, изъѣздившій его вдоль и поперекъ, командующій войсками Ферганской области генералъ-маіоръ Н. И. Корольковъ, какъ спеціалистъ по дорожнымъ и ирригаціоннымъ сооруженіямъ—инженеръ путей сообщенія Петровъ, извѣстный путешественникъ подполковникъ Б. Л. Громбчевскій, генеральнаго штаба подполковникъ Галкинъ, переводчикъ ротмистръ Асфендіаровъ, три адъютанта при Командующемъ войсками округа и полусотня казаковъ при двухъ офицерахъ. Авторъ этихъ замѣтокъ былъ назначенъ врачемъ экспедиціи.

Путь нашъ лежалъ изъ урочища Чимганъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по Чоткалу до впаденія въ него рѣки Терса, оттуда, черезъ перевалъ Чапчама, въ долину Иштамберды, принадлежащей къ бассейну Касанъ-сая; изъ Касана на Намангашъ, Андижанъ, Ошъ, по Ошско-Кашгарскому караванному пути до пограничнаго Иркештамма, оттуда во всю длину Алая и по Исфайрамскому ущелью на Маргеланъ. Это составило приблизительно 1200 верстъ протяженія, изъ которыхъ $\frac{6}{7}$ надо было сдѣлать верхомъ.

16 іюля 1891 года мы выступили изъ Чимгана по направленію къ кишлаку Бричъ-Мулла.

Дорога, пройденная нами по горамъ Чоткала, разработана была при помощи саперовъ подъ руководствомъ поручика Колосовскаго и оказалась на столько удовлетворительной, что совершенно не оправдала тѣхъ опасеній, которыя закрадывались хотя бы у сколько нибудь знакомыхъ съ гор-

ными тропами чоткальскихъ ущелій. Ширина дороги едва ли гдѣ либо была менѣе аршина, карнизы всюду выравнены, балконы прочны, мосты также. Может быть крутые спуски, затрудняя ходъ лошадей, и утомили бы вначалѣ мало привычныхъ путешественниковъ, но между нами, кажется, такихъ не оказалось. Переходы были настолько незначительны, что рѣдкій изъ нихъ превышалъ 25 верстъ, да и это небольшое разстояніе мы проходили обыкновенно въ два пріема. Выѣзжая чаще всего въ 9-ть или 10 часовъ утра, около 12-ти мы останавливались для завтрака. Еще издали гостепріимно раскрытыя яркія адрасовыя крылья зеленаго бухарскаго шатра влекли къ себѣ вниманіе проголодавшихся путниковъ, которые, благодаря безграничному радушію Командующаго войсками округа и Ферганскаго военнаго губернатора генерала Королькова, встрѣчали тутъ трудно вообразимое въ пути разнообразіе изысканныхъ закусокъ и тонкихъ блюдъ. Утоливъ чуть ли не съ каждымъ днемъ возраставшій подъ

вліяніемъ горнаго воздуха аппетитъ, рѣдкій изъ насъ чувствовалъ себя въ силахъ преодолѣть коварную наклонность къ отдохновенію. Шумъ горнаго потока, плещущагося объ утесы ущелья, нисколько не безпокоитъ, а прибрежныя березы словно еще убаюкиваютъ, меланхолически нашептывая вамъ какую-то нескончаемую повѣсть. Однако къ 2-мъ часамъ надо подниматься и выступать далѣе: предупредительная уѣздная администрація уже заготовила для насъ юрты для ночлега и вьюки уже прошли прямо на стоянку. Къ нашему прибытію дорожные ягтаны будутъ на мѣстѣ. Не предстоитъ скучнѣйшаго ожиданія вашихъ вещей и возни съ разстановкою коекъ.

Во всѣхъ путешествіяхъ этого рода слѣдуетъ рекомендовать ягтаны мѣстнаго издѣлія. Пара такихъ ящиковъ съ избыткомъ вмѣщаетъ все необходимое для дороги, легко и удобно навьючивается на лошадь и прекрасно служитъ для постели. Двойной холстъ натягивается на деревянныя жерди, концы которыхъ продѣваются въ петли,

придѣланныя къ крышкѣ ягтана у задней его стѣнки, и кровать готова. При этомъ крышка остается свободной и ящикъ открывается, какъ вамъ угодно. Тѣже ягтаны могутъ не безъ удобства замѣнить собою и столы и стулья. На базарахъ Ташкента попадаются иногда ягтаны весьма изящной работы. Непонятно, почему въ киргизскомъ хозяйствѣ трудно найти мѣстные легкіе и удобные ягтаны; зато всегда встрѣтите русскаго издѣлія жестью или желѣзомъ окованные деревянные сундуки.

Первый ночлегъ былъ устроенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія Бричъ-мулла, въ мѣстечкѣ называемомъ Каламъ-сарыкъ. По однимъ сказаніямъ, здѣсь нѣкогда произведена народная перепись; по другому преданію, Енохъ ходилъ сюда на молитву. Преданія объ Енохѣ удивительно распространены между восточными народами и каждый изъ нихъ охотно даетъ у себя мѣсто для его подвижничества. Какъ изъ библіи, такъ и изъ устныхъ преданій востока, мы узнаемъ только о его набожности и ничего

не знаемъ о его жизни и дѣятельности; но мусульманскому міру это лицо, повидимому, болѣе родственно, нежели еврейскому. Въ разстояніи 40 верстъ отъ Каламъ-сарыка находится, по мусульманскому преданію, могила Еноха, на которую ежегодно стекаются правовѣрные изъ Ташкента и городовъ Ферганы. Во второй половинѣ іюля, проѣзжая по Чимганской дорогѣ, можно встрѣтить не мало туземцевъ, направляющихся на богомолье въ Идрисъ-пей гамбаръ. Выше по Чоткалу и Терсу намъ также попадались на встрѣчу пѣшеходы изъ Намангана, шедшіе поклониться святому мѣсту. Дорога наша, къ сожалѣнію, лежала значительно въ сторонѣ отъ Идриса и намъ не пришлось повидать этой могилы.

Мы оставили также въ сторонѣ и ту часть верхняго Чирчика, на которой ютятся таджикскіе кишлаки—Богустанъ, Бричъмулла, Сизякъ и др.; только издали полюбовались мы, какъ-бы съ высоты птичьяго полета, на живописныя долины Пскема,

Угама, Кокъ-су, оставивъ ихъ далеко влѣво и направляя свой путь по ущелью Чоткала и, далѣе, Терса къ перевалу Чапчама.

Какую чудную картину представляетъ Чоткалъ на уровнѣ урочища Курукъ-найза, гдѣ рѣка разливается въ небольшія озера! Быстрый пѣнящійся и глухо рокочущій гдѣ-то подъ ногами потокъ вдругъ какъ-бы замираетъ въ своемъ стремительномъ теченіи, разлившись по раздавшемуся ложу. Стоявшій въ воздухѣ гулъ, способный заглушить рѣчь, вдругъ смѣняется ничѣмъ не нарушаемой тишиной; вмѣсто сбѣгающей каскадами пѣны, передъ глазами рисуется гладкая безконечно тихая и прозрачная, какъ зеркало, бирюзовая поверхность озера, въ которое безмолвно смотрятся величавыя вершины скалъ. Обнаженные стволы арчи погрузились мѣстами въ воду какъ бы для купанья, сбросивъ съ себя зеленую одежду. Надъ озеромъ такъ тихо, что хочется умѣрить топотъ лошадей, словно онъ нарушаетъ здѣсь чей-то покой. Какъ-то не вѣрится,

чтобы такое покойное ложе для уснувшей рѣки было приготовлено этими суровыми гранитными великанами, нѣкогда выдвинутыми изъ нѣдръ земли. Многое указываетъ на то, что появленіе ихъ на свѣтъ сопровождалось невообразимо бурнымъ геологическимъ переворотомъ: пройденная нами часть Чоткальскаго хребта представляетъ рѣдко встрѣчающееся нагроможденіе горъ. Боковые отроги гранита и діоритовые выступы совершенно перепутываютъ осадочныя породы.

Здѣсь кстати упомянуть, что горы Чоткала, благодаря присутствію охристаго и даже разрыхленнаго кварца, неоднократно привлекали къ себѣ взоры золотопромышленниковъ, тѣмъ болѣе, что и по настоящее время туземцы намываютъ ниже по Чирчику и нѣкоторымъ его притокамъ небольшое количество золота. Къ сожалѣнію, попытки, начатыя еще съ 60-хъ годовъ, Колесникова, Кузнецова, Первушина, Кулибина и многихъ другихъ, не дали утѣшительныхъ результатовъ. Розсыпи несо-

мнѣнны и всѣ онѣ заложены въ гранито-сланцевыхъ областяхъ. Но такъ какъ долины рѣчекъ очень круты, то, не смотря на гранито-сланцевый характеръ ихъ ложа, розсыпи неправильно расположены и разбросаны по слишкомъ большой площади бассейна. Добывать его при такихъ условіяхъ можетъ только тотъ, кто не цѣнитъ ни во что свой трудъ. Киргизъ-туземецъ, благодаря своему досугу, готовъ съ утра до ночи промывать песокъ въ корытѣ, которое замѣняетъ ему вашгердъ. Неудивительно, если онъ за цѣлую недѣлю труда и намоетъ золота рубля на два. Русскому же промышленнику при такихъ условіяхъ тутъ дѣлать нечего.

Замѣчательно что ущелья Чоткала и его притоковъ поражаютъ путешественника своей непонятной для этого времени года тишиною и мертвенностью. На всемъ пути по Терсу намъ почти не удавалось видѣть ни одного звѣрка; пернатыя попадались также весьма рѣдко; даже хищники рѣяли въ небѣ въ ничтожномъ количествѣ, что

уже прямо указывало на плохую для нихъ добычу въ этихъ дикихъ мѣстахъ*).

При всемъ этомъ дорога ущельями чрезвычайно живописна. Горныя рѣчки, сбѣгая каскадами, образуютъ частыя извилины; скалы то прямо подходятъ къ потоку, замыкая его въ тѣснины, на днѣ которыхъ онъ клокочетъ, бурлитъ и вздымаетъ пѣну, то отступаютъ отъ него, образуя долинки, густо заросшія березою, горнымъ тополемъ, жимолостью, боярышникомъ, некленомъ, шиповникомъ и тамарискомъ. Преобладающею въ такихъ тугаяхъ породою является береза. Она здѣсь очень мощна и достигаетъ 6—7 саженъ высоты. Такъ называемая арча изъ породы древовидныхъ можжевельниковъ (Juniperus pseudosabina) ютится выше на скалахъ. Ея темная зелень на сѣромъ фонѣ скалъ мѣстами сильно напоминаетъ сосновые

*) Изъ карты Н. Сѣверцова, приложенной къ его „Etudes sur le passage des oiseaux dans l'Asie centrale" въ bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes 1880, № 2, видно, что горы Чоткала и весь Александровскій хребетъ остаются совершенно въ сторонѣ отъ путей перелета.

лѣса Финляндіи; только воздухъ еще сильнѣе напоенъ ароматическимъ запахомъ смолы.

Вообще Наманганскій уѣздъ еще не совсѣмъ растратилъ свои лѣса. Къ сожалѣнію, мы прошли въ той его сторонѣ, гдѣ лѣсъ не особенно густъ и разнообразенъ. Къ сѣверо-востоку отъ нашей дороги черезъ перевалъ Чапчама расположено урочище Афлатунъ, славящееся своимъ ельникомъ. Деревья, по свидѣтельству генерала Королькова, достигаютъ въ Афлантунѣ 13—14 саженъ. Чустское приставство тоже изобилуетъ хвойными лѣсами. Еловые лѣса встрѣчаются на склонахъ долинъ Джапа, Салды, Чаначъ, Пошъ-аты, Итокара. Вся площадь, занятая лѣсомъ, по офиціальнымъ даннымъ 76 года, занимала около 50 кв. в. Въ настоящее время, не взирая на строгій надзоръ, лѣсная площадь Наманганскаго уѣзда уменьшается съ каждымъ годомъ. Киргизы не цѣнятъ ели и не щадятъ ея. Ради клочка пашни, а иногда и пастбища, кочевникъ готовъ истребить цѣлую рощу старыхъ деревъ. До какой степени чудный

строевой лѣсъ попадается въ упомянутыхъ мѣстахъ можно убѣдиться на матеріалѣ, пошедшемъ на нѣкоторыя наманганскія постройки. Не мало ушло его также для какого-то моста, проектированнаго бывшимъ генералъ-губернаторомъ Черняевымъ. Сооруженіе почему-то не состоялось и остатки этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго лѣса и по сей часъ дожидаются на наманганскомъ базарѣ своего сбыта.

Лѣсъ Наманганскаго уѣзда издавна составлялъ предметъ особой заботливости администраціи, и еще во времена Худояръ-хана частныя лица не могли имъ пользоваться иначе, какъ получивъ особое дозволеніе отъ бековъ. Это была ханская регалія. На долю установленнаго нынѣ надзора выпала печальная задача сберечь жалкіе остатки нѣкогда громаднаго сокровища.

Чоткальская долина между урочищемъ Бишъ-аралъ и Идризъ-пайгамбаромъ на протяженіи 50 верстъ нѣсколько раздается въ ширь, оставляя между предгорьями обѣихъ сторонъ полосу довольно ровной пло-

щади, шириною непревышающей несколькихъ десятковъ саженъ и до 1—2 верстъ длиной. Мѣстами по рѣкѣ и ея притокамъ попадаются участки рѣчнаго наноса значительной толщины, покрытые въ большинствѣ случаевъ густымъ чернолѣсьемъ, и извѣстные подъ названіемъ тугаевъ. Въ колонизаціонномъ отношеніи эта часть долины едвали заслуживаетъ серьезнаго интереса. Лёсовое наслоеніе ея ничтожно и потребуетъ ирригаціонныхъ приспособленій, которыя здѣсь, въ горныхъ пересѣченныхъ мѣстностяхъ нуждаются, помимо навыка и снаровки, въ значительныхъ затратахъ труда и времени. Вся площадь годной для культуры земли, считая до впаденія Сандалашъ-су, не превысить и 16.000 десятинъ. На тугаяхъ урожая хлѣба можно-бы ожидать вполнѣ удовлетворительнаго, но прежде всего площадь ихъ въ совокупности крайне незначительна и они разбросаны по долинѣ изолированными клочками, да и водвореніе на нихъ землевладѣльцевъ повело-бы къ окончательному истребленію лиственныхъ

породъ. Во всякомъ случаѣ въ благодатномъ Туркестанскомъ краѣ еще столько непочатой дѣвственной свободной и удобной земли, что привлеченіе къ культурѣ дикой и отрѣзанной отъ всего міра долины средняго Чоткала можно, кажется, считать преждевременнымъ.

Мы захватили въ своемъ пути только нижнюю часть средняго Чоткала, дойдя до впаденія въ него рѣчки Терса, и повернули вверхъ по ущелью этого притока къ перевалу Чапчама. Дорога здѣсь то взвивается по каменной стѣнѣ и тянется узкимъ карнизомъ надъ рѣчкой, скрытой отъ глазъ выступами скалъ, то спускается къ самому потоку и идетъ прибрежными рощицами, капризно перебѣгая съ одного берега на другой. Караванъ, какъ чудовищная змѣя, извивается по этимъ прихотливымъ изгибамъ тропы, то подымая свою голову высоко на утесы, то вдругъ скрывая ее въ лѣсной чащѣ ущелій. Но вотъ при подъемѣ на перевалъ колоссальное чудовище, изгибаясь по зигзагамъ, устроеннымъ для облегченія

подъема, поползло на сѣдловину Чапчамы. Древесная растительность словно отъ ядовитаго дыханія подалась въ стороны, затѣмъ и вовсе уступила свое мѣсто мелкому кустарнику розъ, древовидная арча смѣнилась стелющейся ея разновидностью, еще выше попалось нѣсколько экземпляровъ альпійскаго тальника, а тамъ пошла уже сочная альпійская мурава, пестрѣющая многочисленными цвѣтами съ преобладающею голубою окраской. Анероидъ показывалъ 521.5; слѣдовательно, мы поднялись на высоту 3000 метровъ (9.230 футъ).

По ручью, получившему названіе отъ перевала, мы спустились въ бассейнъ Касанъ-сая, остановившись на ночлегъ въ урочищѣ Иштамберды. Кассансайское ущелье, въ верхней его части, постепенно пріобрѣтало тотъ-же характеръ горныхъ ущелій, какія были уже нами пройдены за эти дни. Тѣ-же ярусы растительности, только арчевый лѣсъ здѣсь гуще покрываетъ утесы и увалы, чаще выстилаетъ дно и стѣны глубокихъ овраговъ. Отъ этого и краски здѣсь мягче,

сѣрый тонъ скалъ болѣе умѣряется свѣжестью арчевой зелени и еще живѣе напоминаетъ пейзажи далекой Финляндіи.

На слѣдующій день мы достигли устья рѣки Терска, но продолжать путь далѣе по ущелью не представлялось возможнымъ. Бурныя воды Касанъ-сая въ среднемъ теченіи его подъ вліяніемъ таянія снѣговъ, заканчивающагося здѣсь не ранѣе іюля, загромоздили ущелье настолько, что пришлось повернуть на Терскъ и оттуда, обойдя часть Касанъ-сая, направиться на горный узелъ Кара-буры. Тропа опять пошла извиваться по карнизамъ скалъ, опять караванъ растянулся нескончаемой лентой, вздымаясь по крутому подъему перевала. Уже давно добрый ходунецъ Командующаго войсками, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ на вершинѣ Кара-буры, пока, наконецъ, постепенно подобрались запыхавшіеся, мало привыкшіе къ горнымъ дорогамъ, маштаки нашихъ казаковъ. Арка на сѣдловинѣ перевала, украшенная флагами, свидѣтельствовала, о томъ, что наиболѣе трудная часть

пути пройдена. Группа киргизовъ, выставивъ юрту, встрѣтила отрядъ хлѣбомъ-солью. Кибитка оказалась, для меня по крайней мѣрѣ, далеко не лишней, такъ какъ безъ пальто на Кара-бурѣ довольно таки прохладно, да при томъ же заморосилъ и небольшой дождикъ.

То былъ уже послѣдній нашъ подъемъ въ горахъ Чоткала и Касанъ-сая. Далѣе почти вплоть до Гульчи предстояла спокойная почтовая ѣзда по ровной и культурной странѣ. Девять дней мы пробыли среди мрачной, словно зачарованной въ своемъ безмолвіи, горной природы и теперь разставались съ нею, кидая прощальные взоры этимъ угрюмымъ, остававшимся позади насъ великанамъ.

Съ перевала развертывалась совершенно иная панорама. Сзади подымались темные суровые силуэты зубчатыхъ утесовъ, къ бокамъ которыхъ мѣстами, какъ бы ласкаясь, льнули легкія тучки, и величавая угрюмость дикихъ скалъ еще болѣе оттѣнялась веселыми красками широкаго горизонта,

раскинутаго впереди въ сторонѣ долинъ Касанъ-сая, Чанача и Пашааты. Небо хмурилось и съ нимъ еще болѣе насупились горныя вершины. Зловѣщія тучи ползли изъ покинутыхъ сзади ущелій и угрожающе надвигались въ нашу сторону, словно выпроваживали дерзкихъ пришельцевъ, забравшихся въ ихъ убѣжище. Зато впереди манилъ къ себѣ свѣтлый широкій просторъ пастбищъ и нивъ. Селенія Нанай, Мамай, Заркентъ и другія смутно обрисовывались на далекомъ горизонтѣ. Мы поспѣшили спуститься въ долину Касанъ-сая.

Нижняя часть ея, расширяясь все болѣе, переходитъ въ широкое луговое пространство съ чрезвычайно густою сочною травой. Въ Туркестанѣ рѣдко удается видѣть такіе роскошные луга и прекрасные корма, какіе представляетъ касансайская низина нѣсколько выше впаденія ея въ долину Сыра. Но, къ удивленію, туземецъ пользуется ею крайне небрежно: то тутъ, то тамъ попадаются мѣстами небольшіе стога какъ бы случайно скошеннаго и оставшагося безъ

всякаго присмотра сѣна. Видно, что дѣло не ведется правильно и прекрасныя пожни остаются безъ уборки.

По направленію къ Касану долина развертывается все шире; изумрудныя пятна разсыпанныхъ по ней хуторовъ обрисовываются все опредѣленнѣе. Накрапывавшій дождикъ заставилъ насъ прибавить шагу и мы скоро достигли Касана.

II

Касанъ, его отдаленное и недавнее прошлое.—Наманганъ.—Прошлое и настоящее ферганскихъ городовъ.—Экономическій прогрессъ Андижана.—Ошъ.—Дорога до Гульчи.—Гульча.

Селеніе Касанъ, по занимаемой имъ площади, очень обширно; однако, въ немъ насчитывается не болѣе 1500 домовъ, слѣдовательно, около 7 тысячъ жителей. Городокъ встрѣтилъ Начальника края очень

радушно: обыватели непроницаемой толпой обрамляли базарную площадь, стѣнокрушительныя трубы неистово терзали уши. Насъ ввели во дворъ лучшаго касанскаго медрессе, построеннаго лѣтъ 30 назадъ, очень изящнаго съ фронтона зданія, украшеннаго двумя многовѣковыми карагачами.

Главный ишанъ и учитель медрессе, „ветхій деньми" старецъ съ тонкими, прекрасно сохранившимися красивыми чертами лица на вопросъ Командующаго войсками о давности города, не задумываясь отвѣчалъ, что Касанъ помнитъ еще Александра Македонскаго, слѣдовательно насчитываетъ не менѣе двухъ тысячъ лѣтъ своего скромнаго существованія. Однако великій завоеватель не доходилъ въ своихъ походахъ до Касана, и имя этого города впервые появляется въ исторіи, кажется, въ связи съ именемъ арабскаго полководца Котайба, который въ 713 г. по Р. Х. проникнувъ въ городъ, водворилъ въ немъ исламъ. Позже Касанъ игралъ довольно значительную роль въ сѣверной части Ферганы, соперничая съ фер-

ганской столицей того времени—Аксыкентомъ, и еще въ XIII вѣкѣ. Касанъ упоминается Якутомъ въ его географическомъ словарѣ, какъ одинъ изъ значительныхъ пунктовъ Ферганы. Но значеніе его постепенно падало, и Баберъ, перечисляя всѣ семь городовъ современной ему Ферганы, отзывается о Касанѣ довольно коротко: „это маленькій городокъ, говоритъ онъ:—мѣсто съ хорошимъ климатомъ; есть прекрасные сады, а такъ какъ эти сады разстилаются по обоимъ берегамъ рѣки, то городъ и названъ Пустинбишберэ (одѣтый въ шубу изъ пяти мерлушекъ)". Во второй половинѣ XVIII в. Касанъ подвергся сильному опустошенію со стороны калмыковъ; причиною вторженія въ городъ послужилъ угонъ скота киргизами изъ колѣна Кутлукъ-сеидъ и нынѣ живущаго по южнымъ склонамъ Чапчамы. Барантачи скрылись отъ преслѣдованія калмыковъ въ Касанъ, который отказался выдать единовѣрцевъ невѣрнымъ. Калмыки послѣ продолжительной осады овладѣли городкомъ и увели изъ него нѣсколь-

ко тысячъ плѣнниковъ. Памятникомъ этого періода служитъ и понынѣ сохранившаяся могила, называемая Садпиръ, украшенная плитами, покрытыми арабскими и куфическими надписями*). Въ періодъ безконечныхъ междоусобій, пережитыхъ кокандскимъ ханствомъ въ текущемъ столѣтіи, Касанъ также игралъ непослѣднюю роль, переходя изъ рукъ въ руки различныхъ политическихъ партій.

Какъ старинное мусульманское гнѣздо, гордое своимъ прошлымъ, Касанъ наравнѣ съ другими значительными городами кокандскаго государства долженъ былъ бы таить въ своихъ стѣнахъ глухое недоброжелательство противъ наступившаго режима. Однако, городокъ этотъ въ силу историческихъ условій давно уже утратилъ политическую индивидуальность и экономическія побужденія составляютъ для него единственную

*) Уйфальви снялъ съ этихъ плитъ нѣсколько изображеній, изъ которыхъ три присланы имъ въ Ташкентскій музей. Мнѣ неизвѣстно, появилась ли объясненія этихъ надписей, обѣщанныя Дарембергомъ. Ujfalvi Expedition Scientifique v. II p. 111.

основу его стремленій. Издавна осѣвшіе на своей благодарной землѣ, касанцы ищутъ прежде всего мирныхъ условій земледѣлія и тотъ режимъ, который обезпечиваетъ наиболѣе плоды ихъ мирнаго труда, считается ими лучшимъ. Исторія Касана свидѣтельствуетъ о томъ, что городъ всегда старался быть на сторонѣ сильнаго....

Въ 1875 г. поголовно учавствуя въ возстаніи кипчаковъ, касанцы при вступленіи русскихъ войскъ поспѣшили вернуться въ городъ и встрѣтили ихъ съ крайней предупредительностью, не щадя бранныхъ словъ по адресу кипчаковъ. Такая двуличность могла выработаться только у народа слишкомъ забитаго ударами судьбы, но по своей природѣ мирнаго и мягкаго. О радушіи касанцевъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и Уйфальви: „Nous nous trouvions là, говоритъ онъ про Касанъ: dans un grand centre musulman à plus de 50 kilom. de la première garnison russe et nous ne recontrâmes de la part des habitans, que prevenance et amabilité et jamais aucun signe d'hostilité“*;

*) Ujfalvi Exped. scient. v. II. p. 111.

Къ югу отъ Касана, по правому продолженію рѣки расположены не менѣе замѣчательные въ историческомъ отношеніи Тюря-Курганъ и Аксы или древній Аксыкентъ. Послѣдній когда то игралъ выдающуюся роль. Во времена завоеванія арабовъ онъ первый въ Ферганѣ поддался исламу и послужилъ арабамъ базисомъ для дальнѣйшаго распространенія мусульманства по Ферганѣ. Отецъ Бабера сдѣлалъ его столицею царства, но... tempora mutantur... Отъ столицы Ферганы остался жалкій кишлакъ, несохранившій отъ всего своего славнаго прошлаго даже и воспоминанія, потому что развалины знаменитаго Аксыкента схоронены большею своею частью въ водахъ Сыръ-дарьи, которая постепенно подмывала городъ. Кое какіе остатки, говорятъ, еще сохранились и ждутъ своего изслѣдователя.

Въ 15-ти верстахъ вверхъ по Аксы-саю лежитъ городокъ Тюрё-Курганъ, насчитывающій около 600 лѣтъ существованія. Въ позднѣйшей исторіи кокандскаго ханства онъ также имѣлъ выдающееся значеніе, со-

стоя главнымъ городомъ наманганскаго вилайета. Къ сожалѣнію, мы миновали оба эти замѣчательные по своему историческому прошлому пункта. Дорога наша лежала по лѣвому продолженію Касанъ-сая на Кукумбай.

Въ Касанѣ мы сѣли въ почтовые тарантасы и вечеромъ того же дня прибыли въ Наманганъ. Отсюда почти вплоть до Гульчи не представлялось надобности въ нашихъ верховыхъ лошадяхъ и мы не безъ удовольствія замѣнили нашъ обычный способъ передвиженія почтовымъ.

Дальнѣйшій путь отъ Касана до Оша составлялъ сплошь какое-то тріумфальное шествіе. Уѣздные города Ферганы соперничали другъ съ другомъ въ блескѣ пріема Командующаго войсками. Наманганъ—городокъ съ ничтожною горстью русскаго населенія—встрѣтили его съ великолѣпіемъ, какого нельзя было и ожидать. Мы въѣзжали въ городъ позднимъ и темнымъ вечеромъ; факелы въ рукахъ верховыхъ освѣщали дорогу. Десятка два джигитовъ, какъ фан-

тастическія тѣни, мелькали по сторонамъ шоссе, то пропадая во мракѣ ночи, то снова появляясь въ лучахъ свѣта. Еще задолго до городской черты смоленные костры чуть ли не черезъ каждые пятьдесятъ шаговъ обливали дорогу обильнымъ свѣтомъ. Населеніе густой и безконечной стѣной по сторонамъ дороги привѣтствовало Генералъ-Губернатора поклонами и благопожеланіями. Городъ и лагерь встрѣтили бенгальскими огнями, фейерверкомъ. На каждомъ шагу флаги, вензеля, транспаранты, звуки военнаго оркестра и надо всѣмъ этимъ густой, повисшій въ воздухѣ гулъ туземныхъ трубъ.

На другой день представилась возможность осмотрѣть городокъ. Внѣшній видъ его очень опрятенъ, по крайней мѣрѣ въ эту пору года; въ центральной части разбитъ небольшой, но хорошенькій паркъ съ освѣжающимъ воздухъ прудомъ.... Больше о Наманганѣ сказать нечего.... Лошади готовы, вещи уложены. Въ обывательскихъ глазахъ, которые провожаютъ оживленный поѣздъ, видна какая-то неопредѣленная

скрытая тоска, порождающая въ васъ безотчетное ощущеніе жалости, и вы успокаиваетесь только тогда, когда тарантасъ вашъ выѣхалъ въ поле.

Въ этотъ-же день мы были въ Андижанѣ.

Удивительна судьба этихъ ферганскихъ городковъ. Въ своемъ многовѣковомъ существованіи они испытали гораздо болѣе горя, нежели радости. Когда-то они процвѣтали, какъ торговые пункты оживленнаго торговаго пути между востокомъ и западомъ, но чаще еще служили театромъ расовой борьбы и, привлекая частью своими природными, частью нажитыми богатствами, алчные взоры сосѣдей, становились жертвою величайшаго по своему неистовству насилія со стороны безконечнаго ряда завоевателей. За періодомъ расовыхъ столкновеній послѣдовала борьба династій съ ея захватами, грабежомъ и безжалостнымъ опустошеніемъ. Эта борьба за обладаніе властью, веденная въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ со всею типической разнузданностью восточнаго варварства, окончилась какихъ нибудь

пятнадцать лѣтъ назадъ съ водвореніемъ русскихъ. И вотъ въ этихъ дебряхъ безграничнаго произвола, породившаго въ населеніи политическій развратъ, въ этихъ гнѣздахъ безпросвѣтнаго невѣжества, одичанія, неистовства и фанатической нетерпимости ничтожная горсть побѣдителей съ успѣхомъ водворяетъ миръ и законность, внося постепенно въ народное сознаніе понятія гражданственности и намѣчая пути къ прочному благосостоянію.

Давно-ли миновало время, когда въ этихъ дикихъ ферганскихъ городкахъ путешественника встрѣчала фанатическая ненависть населенія, не останавливавшаяся даже предъ убійствомъ, и когда отчаянный иностранецъ-купецъ, не взирая на покровительство самого хана, не находилъ себѣ доступа въ эти опасные, одичалые углы недавняго кокандскаго ханства? Но пройдетъ періодъ двухъ-трехъ поколѣній и лицо земли Ферганской измѣнится до неузнаваемости. Характеръ народный, искалеченный всѣмъ историческимъ прошлымъ, конечно, не легко и

не скоро поддастся вліянію лучшихъ нравственныхъ идеаловъ, но въ немъ есть несомнѣнныя черты, которыя обѣщаютъ ему свѣтлое будущее. Непостижимая живучесть народа, который нетолько устоялъ противъ тысячелѣтій невзгодъ и насилій, но даже сохранилъ и закалилъ въ своемъ характерѣ культурные задатки, способные при первыхъ благопріятныхъ условіяхъ развиться въ созданіе цвѣтущаго экономическаго состоянія, обезпечиваетъ ему всѣ права на дальнѣйшее и всестороннее развитіе.

Все только что сказанное болѣе всего подходитъ къ Андижану и его уѣзду. Гордый своимъ прошлымъ, Андижанъ всегда старался поддержать репутацію самаго воинственнаго города Кокандскаго ханства; однако, въ его послѣдней попыткѣ защитить свою независимость ясно сказалась вся слабость до основанія подрытаго и заживо разложившагося государства. 60-тысячное населеніе раскинутаго на огромномъ пространствѣ города не сумѣло оказать достаточнаго сопротивленія горсти русскихъ, едва

ли превышавшей тысячу штыковъ. Даже существенная помощь Пулатъ-бека съ его 15-ю тысячами конныхъ киргизовъ, дѣйствовавшихъ въ окрестностяхъ города, не спасли его отъ взятія штурмомъ.

Зато отнынѣ для Андижана съ его уѣздомъ наступила пора, когда онъ можетъ безпрепятственно развернуть свои производительныя силы въ сферѣ земледѣльческаго труда и достигнуть въ этой области колоссальнаго успѣха.

Андижанскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 13.314 кв. верстъ; но только $^{1}/_{5\cdot3}$ всей площади считается удобной для земледѣлія, а именно 180.234 десятинъ подлежатъ, согласно плановъ и оброчныхъ расчетовъ бывшей организаціонной комиссіи, взиманію государственнаго оброка и 75.000 десятинъ составляютъ земли, находящіяся подъ садами, огородами, виноградниками и другими древесными насажденіями. Главная производительность уѣзда выражается въ слѣдующихъ приблизительныхъ цифрахъ, взятыхъ за 1890 годъ:

рису около .	6.250.000	пуд.
джугары „	1.500.000	„
пшеницы „	1.200.000	„
ячменя „	1.000.000	„
кукурузы „	80.000	„
проса „	300.000	„

Просо засѣвается исключительно кочевымъ населеніемъ. Независимо отъ приведенныхъ цифръ, въ уѣздѣ производятся большіе посѣвы пшеницы и ячменя на такъ называемыхъ богарныхъ поляхъ, т. е. земляхъ, засѣваемыхъ только подъ дождь и государственному оброку неподлежащихъ. Общая площадь этихъ земель въ настоящее время еще не опредѣлена и приблизительно. Кромѣ того, засѣвается совершенно неизвѣстное количество земли въ горахъ киргизами, обоброченными исключительно одной кибиточной податью, причемъ послѣдніе сѣютъ, главнымъ образомъ, просо и въ меньшемъ количествѣ пшеницу и ячмень.

Нелишнимъ считаю привести здѣсь цифру сбора урожая 1876 г., чтобы хотя приблизительно судить о ростѣ земледѣльческой

производительности за періодъ нашего господства въ краѣ. Въ 1876 году поступило въ казну, какъ пятая часть сбора въ Андижанскомъ уѣздѣ:

рису	328.736 п.	слѣд.,	собр.	1.643.682 п.	
джугары	96.600	„	„	„	478.000 „
пшеницы	76.762	„	„	„	383.810 „
ячменя	4.747	„	„	„	23.735 „
кукурузы	27.679	„	„	„	138.395 „
проса	12.784	„	„	„	63.920 „
мѣс. хлоп.	6.682	„	„	„	33.410 „

Можетъ быть, цифры эти недостаточно достовѣрны и уступаютъ дѣйствительнымъ, такъ какъ часть хлѣба могла быть скрыта, но все же настолько доказательны, что въ силѣ убѣдить каждаго въ благодѣтельности результатовъ 15-ти лѣтняго мирнаго русскаго владычества.

Въ ряду другихъ производствъ уѣзда выдающееся мѣсто занимаетъ разведеніе хлопчатника. Это производство приняло за послѣднее время какъ по всей Ферганѣ, такъ и въ Андижанскомъ уѣздѣ, размѣры, способные придать всему народному хозяйству

совершенно новое направленіе. Въ 1876 г. количество собраннаго хлопка, какъ уже сказано, опредѣлялось въ 33.410 пудовъ. Черезъ 13-ть лѣтъ, а именно въ 1889 г., въ уѣздѣ засѣяно было 18.935 пудовъ и собрано 498.605 пуд.; слѣдовательно, въ 15 разъ болѣе. Въ 1890 г. общее количество собраннаго хлопчатника достигло уже 650.000 пуд., и неудивительно, если цифра сбора будетъ возрастать еще долгое время. Въ 1889 году въ Андижанѣ дѣйствовало 6-ть хлопкоочистительныхъ заводовъ, приводимыхъ водяною силою, на сумму въ 669.905 руб.; въ текущемъ (1891 году) цифра этихъ заводовъ возрасла до 13-ти и съ конца 1891 года сталъ работать еще новый заводъ, приводимый въ дѣйствіе паромъ.

Однако, есть основаніе думать, что столь быстрый ростъ хлопковаго производства Ферганы имѣетъ и свою оборотную сторону. Можно ожидать въ скоромъ времени наступленія для этой статьи народной экономіи того періода нежелательной земледѣльческой

спекуляціи, когда временно возрастающія выгоды даннаго производства, привлекая къ себѣ большинство производительныхъ силъ, склонны нарушить равновѣсіе въ системѣ народнаго хозяйства, накопляя одинъ земледѣльческій продуктъ въ ущербъ остальнымъ.. Спеціализація земледѣльческой производительности имѣетъ оправданіе тамъ, гдѣ существуютъ одновременно и обезпеченность сбыта даннаго продукта и доступность для земледѣльческаго населенія предметовъ первой необходимости. Туркестанскій-же край вообще и Фергана въ особенности не должны увлекаться одной какой либо формой производства въ ущербъ остальной и преимущественно хлѣбной производительности, иначе, по своей изолированности отъ хлѣбныхъ раіоновъ, легко можно дойти до печальнаго экономическаго положенія со всѣми послѣдствіями перепроизводства рядомъ съ возрастаніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости....

Изъ Андижана Генералъ-Губернаторъ проѣхалъ къ головѣ Шарихапъ-сая, кото-

рый, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ оросительныхъ артерій Андижанскаго уѣзда. Получая свою воду изъ Кара-дарьи при впаденіи въ нея Куршъ-аба, каналъ Шарихавъ часто страдаетъ отъ рѣзкихъ колебаній уровня водъ Кара-дарьи, которая въ полую воду сноситъ чуть-ли не ежегодно возобновляемыя сооруженія и приспособленія, стоющія весьма значительныхъ затратъ труда, времени и искусства. Нынѣ кажется предприняты довольно грандіозныя работы, которыя должны радикально устранить на будущее время возможность серьезныхъ поврежденій.

29-го іюля мы были въ городѣ Ошѣ.

Мы пробыли въ городѣ менѣе сутокъ. Надо было позаботиться о нашихъ лошадяхъ, которыхъ мы давно уже не видали. Онѣ шли изъ Касана безъ всадниковъ, подъ присмотромъ джигитовъ. Небрежное засѣдлываніе при ѣздѣ по горамъ съ постоянною смѣною подъемовъ и спусковъ могло сильно отозваться на спинахъ бѣдныхъ животныхъ. Къ счастью, съ этой стороны, не встрѣти-

лось никакихъ затрудненій, и лошади наши вполнѣ готовы были къ дальнѣйшему пути..

Оставляя Ошъ, нельзя не вспомнить общей всѣмъ этимъ ферганскимъ городкамъ черты—именно безграничнаго радушія и самаго трогательнаго гостепріимства, съ какими русское населеніе ихъ встрѣчаетъ всякаго заѣзжаго. И путешественникъ выноситъ отрадное впечатлѣніе еще и потому, что русское общество этихъ удаленныхъ уголковъ, какъ бы чувствуя свою изолированность среди подавляющаго численностью мусульманскаго элемента, живетъ между собою очень дружно....

Не доѣхавъ 15-ти верстъ до Гульчи, мы оставили экипажи и верхомъ спустились съ перевала Чигирчикъ по рѣчкѣ того-же названія въ долину Гульчи. Позднее время дня не позволило мнѣ ближе ознакомиться съ минеральнымъ источникомъ, издавна славящимся у киргизъ своими цѣлебными свойствами. Родникъ бьетъ въ хорошенькой рощицѣ Чигирчикскаго ущелья, расположенной у самой дороги на горномъ склонѣ.

Арча, боярышникъ, горный ивнякъ, кусты барбариса и савалги, дружно перемѣшавшись между собой, радуютъ утомленный однообразіемъ взоръ путешественника. Источникъ принадлежитъ, кажется, къ числу индиферентныхъ и температура его приблизительно въ 30°R. Особенно цѣлительныхъ свойствъ въ этомъ ключѣ искать нечего, но для киргиза и то уже важно, если онъ, въ чаяніи исцѣленія, приведетъ свое малознакомое съ мыломъ тѣло въ большой порядокъ и тѣмъ устранитъ одну изъ главныхъ причинъ той массы накожныхъ страданій, которая поражаетъ васъ въ киргизскомъ населеніи.

Отставъ нѣсколько отъ отряда, я подошелъ къ Гульчѣ позднимъ вечеромъ. Направивъ свой путь прямо на костры, которые ужъ успѣли развести проворные джигиты, я сталъ переходить рѣчку не выбравъ броду. Произведеннымъ такимъ образомъ, помимо собственнаго желанія, измѣреніемъ я убѣдился въ томъ, что даже и въ это время года главный рукавъ Гульчи довольно

глубокъ и достигаетъ, по крайней мѣрѣ, семи четвертей, такъ какъ ноги мои замокли далеко выше колѣна.

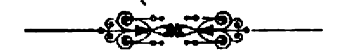
Укрѣпленіе расположено при впаденіи въ Гульчу рѣчки Чигирчикъ, на ровной площади, съ трехъ сторонъ окруженной, если и не особенно высокими, то все-же скалистыми и крутыми горами. Четвероугольникъ обыкновенной полевой профили, съ двумя турбастіонами на противоположныхъ углахъ, стережетъ долину Гульчи и входъ въ Чигирчикское ущелье.

Въ настоящее время Гульча утратила часть своего стратегическаго значенія и сохраняетъ за собой только роль наблюдательнаго пункта, вокругъ котораго группируется не мало зимовокъ и богарныхъ запашекъ алайскихъ кочевниковъ. Удаленные отъ административныхъ центровъ, кочующіе полгода на привольныхъ пастбищахъ Алая и вблизи китайской границы, киргизы могли бы безнаказанно предаваться грабежу на Ошско-Кашгарской торговой дорогѣ и скрывать въ своей средѣ всѣхъ тѣхъ, кто по-

чему-либо избѣгаетъ попадаться на глаза русской администраціи. По этому наблюденіе за нѣкоторыми родами этихъ каракиргизовъ признается далеко не лишнимъ, и линейная рота, поставленная въ Гульчинскомъ укрѣпленіи, служитъ, повидимому, достаточной гарантіей спокойствія между ними. Люди посылаются сюда только на годъ и съ окончаніемъ лагернаго сбора смѣняются. Въ настоящее время признано болѣе цѣлесообразнымъ держать въ Гульчѣ, взамѣнъ роты пѣхотинцевъ, полусотню казаковъ. Охота въ этихъ мѣстахъ, по свидѣтельству воинскаго начальника, который, если не ошибаюсь, живетъ здѣсь четыре года и семьей котораго исчерпывается все мѣстное осѣдлое населеніе, очень разнообразна: улары или большія горныя индѣйки, куропатки, куликъ—водятся въ значительномъ количествѣ; стада кіиковъ или горныхъ козъ и кабановъ также нерѣдки; попадаются и медвѣди.

Бивуакъ разбили на площадкѣ, въ виду крѣпостцы, подъ группою многовѣковыхъ

горныхъ тополей, чуть-ли не въ три обхвата толщиною. Почтенныя деревья стоятъ безъ верхушекъ: должно быть вѣтеръ, который здѣсь бываетъ очень силенъ и дуетъ съ низовьевъ долины, посбивалъ старикамъ ихъ головные уборы.

III

Царица Алая.—Дорога до Суфи-кургана.—Новыя встрѣчи.—Уй-ташъ.—Терекъ-даванъ, его природа; историческія замѣтки.—Дорога до Иркештама.

На другой день нашей стоянки въ Гульчѣ къ Командующему войсками явилась весьма почетная среди алайскихъ киргизовъ особа, по имени Мармаджанъ-Датха. Вдова очень богатаго киргиза и мать нѣсколькихъ батырей, игравшихъ 17 лѣтъ назадъ первую роль въ возстаніи каракиргизовъ, она пожелала засвидѣтель-

ствовать свое почтеніе высокому посѣтителю и пріѣхала съ этою цѣлью на бивакъ верхомъ изъ своей лѣтовки, отстоящей отъ Гульчи верстъ за восемьдесятъ. Семидесятилѣтняя старуха нарядилась ради торжественнаго случая въ парчевую шубейку съ мѣховой оторочкой, единственный остатокъ отъ ея прежняго величія. Нѣкогда эта старуха была грозою Кокандскаго ханства; ханы всегда задаривали ее и принимали съ большимъ почетомъ. Ея вліяніе на дикокаменныхъ киргизовъ Алая было такъ велико, что походило на управленіе ими на патріархальномъ основаніи. Кокандскіе ханы пожаловали ей титулъ „датхи", что соотвѣтствовало понятію правителя. При завоеваніи Коканда русскими, сыновья ея очутились во главѣ возстанія каракиргизовъ и старшій сынъ ея, извѣстный Абдулъ-бекъ, рискнулъ даже помѣрять свои силы съ русскимъ отрядомъ, находившимся подъ командою Скобелева.

Послѣ неудачи при Янги-арыкѣ, Абдулъ-бекъ бѣжалъ черезъ Алай на Кызылъ-артъ.

Тщетно князь Витгенштейнъ съ своимъ летучимъ отрядомъ старался нагнать лихого батыря. Абдулъ-бекъ увертывался отъ него съ чисто киргизскимъ проворствомъ и, наконецъ, успѣлъ съ небольшимъ числомъ людей бѣжать черезъ Памиръ въ предѣлы Авганистана.

Но возстаніе можно было считать поконченнымъ съ того момента, когда была схвачена Мармаджанъ. При приближеніи русскихъ къ Алаю, она со всѣмъ своимъ имуществомъ бросилась въ Кашгарію. Однако, ея многочисленныя стада сильно приглянулись тамошнимъ властямъ и, ограбленная ими, она предпочла вернуться въ русскіе предѣлы, гдѣ и попалась въ руки рекогносцировочнаго отряда князя Витгенштейна. Покойный Скобелевъ отнесся къ ней очень ласково, одарилъ ее подарками и совѣтывалъ повліять на зависѣвшее отъ нея населеніе въ успокоительномъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ прошло 17 лѣтъ и старуха добросовѣстно выполняетъ данное ею обѣщаніе. Ея авторитетъ въ народѣ и по сейчасъ не

утратилъ своего значенія, что видно, между прочимъ, изъ того, что сыновья ея изъ руководителей возстанія превратились въ мирныхъ волостныхъ старшинъ, аккуратно собирающихъ кибиточный сборъ для русскаго казначейства. Азіатцы не пріучены исторіей расчитывать на жалость побѣдителя и, ошеломленные великодушіемъ недавняго врага, они изъ чувства благодарности готовы дѣйствовать въ его интересахъ съ рвеніемъ добровольнаго рабства.

Только старшій сынъ старой Мармаджанъ не повѣрилъ обѣщаніямъ побѣдителя и, не взирая на просьбы матери, убѣждавшей сына явиться къ русскимъ съ повинною, до смерти своей оставался во враждѣ съ ними.

Командующій войсками принялъ Мармаджанъ-датху очень привѣтливо, благодарилъ ее за доброе вліяніе на киргизовъ и одарилъ дорогимъ парчевымъ халатомъ. „Царица Алая“, какъ ее называютъ по старой памяти, не испытывала, однако, особеннаго удовольствія отъ пребыванія въ нашей

ставкѣ. Любопытные взоры русскихъ офицеровъ приводили ее въ смущеніе, не мало, повидимому, безпокоилъ и непривычный буковый стулъ. Постоянное утираніе рукавомъ слезящихся глазъ не выручало изъ затрудненія и бѣдная старуха почувствовала себя нѣсколько увѣреннѣе только въ ту минуту, когда почтительные сыновья подсадили ее на сѣдло. Куда дѣвалась напускная дряхлость: царица быстро подобрала полы своего новаго почетнаго халата и ускакала во-свояси.

Продневавъ въ Гульчѣ, мы 1-го августа выступили, черезъ Суфи-курганъ и Терекскій перевалъ, на Иркештамъ.

Еще и теперь, выше по Гульчѣ, за Кызылъ-курганомъ, на урочищѣ Янги-арыкъ, попадались намъ полуразрушенныя укрѣпленія или каменные завалы, устроенные, повидимому, съ оборонительными цѣлями. Это Абдулъ-бекъ лѣтомъ 1876 г. со своимъ скопищемъ алайскихъ киргизовъ разсчитывалъ дать отпоръ генералъ-маіору Скобелеву, двинувшемуся изъ Оша съ двумя ротами

стрѣлковъ, полусотней казаковъ и горнымъ орудіемъ. Абдулъ-бекъ считалъ себя недоступнымъ въ своей позиціи, но, къ ужасу своему, скоро убѣдился въ своемъ заблужденіи: справа отъ него, съ Талдыка надвигался отрядъ маіора Іонова, а слѣва, со стороны Кургана Омара-бека, угрожали двѣ казачьи сотни полковника князя Витгенштейна. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, киргизы безъ боя бросились въ бѣгство по направленію къ Алаю, растерявъ по дорогѣ свои стада.

Дорога на Суфи-курганъ разработана вполнѣ удовлетворительно. Попадающіеся мѣстами карнизы широки и хорошо выровнены. За Янги-арыкомъ намъ попались два висячихъ моста, изъ нихъ одинъ перекинутъ черезъ притокъ Гульчи, Белаули. Ближе къ Суфи-кургану ущелье становится все шире. Мы шли по самому дну его. Сѣрый фонъ скалъ смягчается здѣсь веселою зеленью муравы; корму много. Далѣе къ мѣсту ночлега стали попадаться и небольшія рощицы осокори.

Я не упомянулъ въ свое время, что въ гор. Ошѣ нашъ маленькій отрядъ значительно измѣнился въ своемъ составѣ. Отъ Оша сопровождали Генералъ-Губернатора начальникъ уѣзда, его помощникъ и начальникъ ферганской инженерной дистанціи полковникъ Я. Здѣсь-же поджидали начальника края двое чиновниковъ особыхъ порученій при немъ, г.г. Бушенъ и Каль, чтобы получить подробныя инструкціи относительно предстоявшей имъ командировки въ Каратегинъ. Кромѣ того, къ намъ присоединились еще два путешественника, князь Голицынъ и секретарь англійскаго посольства въ Петербургѣ м-ръ Эліотъ. Послѣдніе двое расчитывали ѣхать съ нами только до пограничной съ Китаемъ линіи, такъ какъ ихъ дорога, лежала, черезъ Кашгаръ, въ Индію. Князя Голицына сопровождалъ цѣлый эскортъ, состоявшій изъ восьми рослыхъ и здоровыхъ молодцовъ, набранныхъ, кажется, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ; отрядецъ этотъ былъ недурно вооруженъ и имѣлъ довольно внушительный видъ.

Предусмотрительный путешественникъ везъ съ собою огромный багажъ. Тутъ было и оружіе, и платье, и консервы, книги, ландкарты, разнообразныя вещи для подарковъ. На оборотъ м-ръ Эліотъ ѣхалъ въ Индію, какъ будто совершалъ загородную прогулку; я даже не увѣренъ, захватилъ-ли онъ съ собой необходимое бѣлье.

Въ Суфи-курганѣ намъ предстояло разстаться съ г.г. Бушеномъ и Калемъ. Они, по распоряженію Начальника края, должны были пройти на Алай кратчайшимъ путемъ по урочищамъ Кызылъ-яръ и Ольгину лугу черезъ перевалъ Талдыкъ. Дальнѣйшій ихъ маршрутъ лежалъ по долинѣ Кызылъ-су, далѣе по ея продолженію, носящему названіе Сурхабъ, до Гарма.

Цѣль этой поѣздки заключалась: 1) въ томъ, чтобы убѣдиться, насколько выполнило бухарское правительство данное имъ обѣщаніе поправить большую вьючную дорогу по долинѣ Сурхоба до Оби-Гарма, и снять съ нея маршрутную съемку и 2) произвести бѣглое изслѣдованіе бассейна

Сурхана, въ предѣлахъ бухарскаго ханства, съ цѣлью опредѣлить, можно-ли воспользоваться его водами для снабженія ханства (путемъ прорытія магистральнаго канала до г. Бухары) новою ирригаціонною системою. Изъ позднѣйшихъ сообщеній оказалось, что дорога по Сурхобу, на протяженіи 212 верстъ безпрерывнаго карниза, въ отдѣльныхъ пунктахъ подымающагося до 4000 ф. надъ уровнемъ рѣки, устроена настолько хорошо, что мѣстами можно проѣхать въ экипажѣ. Только въ 4—5 мѣстахъ дорога не проходима для артиллеріи.

Отъ Оби-Гарма путешественники направились на Файзабадъ, Кафирнагаръ, Дюшанбэ, Каратагъ, перешли на правый берегъ Сурхана и дошли почти до впаденія его въ Аму.

Къ общей и глубокой печали всѣхъ знавшихъ Н. Ф. Каля, заслужившаго въ короткое время своего пребыванія въ Туркестанѣ общую любовь и уваженіе, мы разставались съ нимъ навсегда: въ сентябрѣ того-же года пришло въ Ташкентъ грустное извѣстіе о его преждевременной смерти.

При сліяніи рѣчекъ Талдыкъ и Терекъ, образующихъ Гульчу, дорога раздваивается. Каль съ Бушеномъ пошли по южному направленію; мы же взяли на востокъ по Тереку и, пройдя около трехъ верстъ, вступили въ его ущелье. Здѣсь теченіе рѣки совершенно мѣняется. Пѣнящійся потокъ каскадами спускается на встрѣчу путнику. Горы, покрытыя довольно густо арчевою порослью, очень живописны; воздухъ наполненъ смолистымъ запахомъ можжевельника; дышется легко и свободно. Теперь ужъ Терекъ съ шумомъ и гуломъ пѣнится гдѣ-то внизу, подъ ногами. Стѣны скалъ то сдавятъ его, то вдругъ онъ вырвется на просторъ и тогда разливается многочисленными руслами по каменистому ложу. За версту до стоянки на Уйташѣ ущелье суживается до того, что отвѣсныя скалы подходятъ другъ къ другу не болѣе, какъ на десять саженъ, образуя узкія ворота; отъ этого и самое мѣсто носитъ названіе „дарваза“. Высота скалъ въ этихъ воротахъ не превышаетъ 300—350 футовъ, но, стоя со-

вершенно отвѣсно, онѣ представляютъ собою весьма удобное мѣсто для сооруженія между ними плотины, которая, задерживая стокъ рѣки, могла-бы образовать озеро длиною не менѣе трехъ верстъ. Такое водохранилище сослужило бы не малую службу Ферганѣ, регулируя правильную доставку воды въ Кара-дарью, которая уже и теперь оказывается маловодной, а съ теченіемъ времени, когда привлекутся подъ культуру новыя земли, тѣмъ болѣе окажется несостоятельною. Затраты на сооруженіе плотины едва ли будутъ особенно значительны, тогда какъ выгода отъ такого водохранилища громадна.

3-го августа, мы остановились передъ переваломъ Терекъ-даванъ. Лагерь разбитъ былъ возлѣ какой-то развалины, носящей названіе Уйташъ, т. е. каменный домъ, и служившей, вѣроятно, постоялымъ дворомъ. Перевалъ за все время экспедиціи рисовался нашему воображенію чуть-ли не самымъ главнымъ затрудненіемъ на предстоявшемъ пути. Высота его пугала насъ не на шутку,

и каждый побаивался за себя, вынесетъ-ли онъ ту степень разряженности воздуха, которая, какъ говорили свѣдущіе люди, достигаетъ $\frac{2}{3}$ атмосферы. Подробности въ изображеніи симптомовъ горной болѣзни заблаговременно были уже исчерпаны; всякій, кто могъ, вносилъ свою долю усердія въ это дѣло, и картина болѣзни получилась чрезъ это въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что каждаго поневолѣ пробиралъ страхъ. Смутныя опасенія усиливались еще болѣе въ виду хмурившейся наканунѣ погоды. Собиравшіяся тучи предвѣщали либо дождь, либо снѣгъ; послѣдній даже въ августѣ составляетъ на Терекъ-даванѣ зауряднoе явленіе. Если при этомъ поднимется вѣтеръ, то буранъ настолько силенъ, что можетъ и опытнаго путника сбить съ дороги. Не далѣе, какъ за недѣлю до нашего перехода, почтарь, ѣхавшій изъ Иркештама, благодаря бурану, сбился съ пути и только встрѣтившійся ему караванъ, шедшій на Кашгаръ, выручилъ его изъ бѣды. Однако, къ ночи совершенно разъяснѣло. Но скептики мало

довѣряли ясной погодѣ, утверждая, что на Терекъ-даванѣ погода можетъ измѣняться до пяти-шести разъ въ сутки, причемъ дождь смѣняется ясной погодой, которая въ свою очередь можетъ смѣниться снѣгомъ, а тамъ опять ясное небо и опять тучи съ дождемъ или мятелью.

Холодъ ночи давалъ уже чувствовать близость перевала. Не безъ тайнаго страха выступили мы въ путь. Дорога продолжалась вчерашнимъ ущельемъ Терека. Въ отдаленной перспективѣ безконечнаго коридора рисовались яркія, рѣжущія глаза грани Заалайскаго хребта, но при одномъ изъ поворотовъ, какъ бы загораживая дорогу, выступила снѣжная стѣна ближайшаго алайскаго пика. Ущелье, постоянно уплощаясь и поворачивая къ юго-востоку, переходитъ мало-по-малу въ довольно широкую площадь, съ юга ограниченную снѣговою стѣною. Частые зигзаги уменьшали уголъ подъема; однако, лошади съ трудомъ подвигались впередъ. Погода на наше счастье была прекрасная, и небольшія снѣж-

ныя тучи, безъ которыхъ здѣсь не обходится ни одного дня, обѣщали безпрепятственно пропустить насъ на ту сторону. Сильный вѣтеръ по направленію съ юга отъ снѣговой стѣны пронизывалъ насквозь, и холодъ сильно заставлялъ ежиться непредусмотрительную часть отряда, оставившую теплую одежду на вьюкахъ. Все обошлось благополучно. Никому изъ отряда не понадобилось медицинской помощи. Анероидъ на ребрѣ перевала показалъ 13.300 фут., что превзошло наши ожиданія, такъ какъ на бывшихъ съ нами картахъ высота перевала показана была въ 12.700 фут.

При такой высотѣ разрѣженность воздуха составляетъ даже не $\frac{2}{3}$ атмосфернаго давленія, а $\frac{7}{12}$. Въ Европѣ этотъ уровень далеко превышаетъ линію вѣчнаго снѣга, и путешественники швейцарскихъ горъ испытываютъ на немъ всѣ признаки горной болѣзни. Сосюръ, достигнувъ этой высоты при восхожденіи на Монбланъ, едва могъ собрать свои инструменты. Массивы Америки и особенно Азіи допускаютъ, какъ извѣстно, и

болѣе высокое поднятіе. Братья Шлягинтвейты опредѣляютъ поясъ горной болѣзни для азіатскихъ плоскогорій на высотѣ 5.500 метровъ (23 т. ф.). Въ данномъ случаѣ однако большое значеніе имѣетъ индивидуальность и приспособляемость организма.

Весь перевалъ длиною около 10 верстъ и на всемъ этомъ пространствѣ ни одного деревца. Изобильно растущая по Tереку высокая и прямая арча на десяти тысячахъ футъ смѣняется ползучею разновидностью, да и та на уровнѣ 11 т. ф. совершенно исчезаетъ. Уже у подножія перевала древесной растительности не замѣчается, зато какое обиліе травъ и разнообразіе красокъ альпійскихъ цвѣтовъ! Здѣсь вы встрѣчаете нѣжно пахучій эдельвейсъ, голубые подснѣжники, душистыя фіалки, многообразные альпійскіе тюльпаны; особенно много попадается цвѣтовъ горечавки (gentiana). Такой крупной разновидности лиловой генціаны, какая встрѣчается у подножія Терекъ-давана, я не встрѣчалъ по всему Алаю. Но вскорѣ мягкіе зеленѣющіе

увалы смѣнились жесткимъ каменистымъ грунтомъ; круто поднимающаяся тропинка пошла по крутому щебню къ сѣдловинѣ. Все чаще и чаще стали попадаться груды блестящихъ на солнцѣ костей. Ближе къ вершинѣ перевала все видимое по сторонамъ тропинки пространство усѣяно складами костей. Здѣсь и тамъ попадаются еще свѣжія жертвы, которыя легко узнаются по связаннымъ скелетамъ и сохранившимся возлѣ нихъ клочкамъ мяса. Зато другіе настолько давни, что успѣли подъ вліяніемъ времени инкальценироваться и обратиться въ окаменѣлости. Вся эта невообразимая масса костей распредѣлена въ нѣкоторомъ порядкѣ, словно чья-то невидимая рука посметала ихъ въ отдѣльныя груды. Подходя ближе къ этимъ могиламъ, легко убѣдиться, что тутъ схоронены не только цѣлыя стада, но и ихъ владѣльцы.

Надъ образованіемъ этого колоссальнаго жертвенника дружно работали самыя разнообразныя силы. Снѣжныя метели сбивали съ пути караваны, стада и кочевниковъ; хо-

лодъ побуждалъ несчастныхъ животныхъ сбираться тѣснѣе въ кучи; человѣкъ, вѣроятно, также старался отогрѣть свои коченѣющіе члены возлѣ животнаго, и въ этомъ видѣ холодъ леденилъ безпомощныя жертвы. Съ наступленіемъ весенняго солнца, отрывавшаго ихъ изъ подъ снѣга, трупы становились достояніемъ хищнаго звѣря и птицы. Тлѣніе довершало остальное. Тутъ можно читать безконечно длинный и безконечно однообразный дневникъ смерти. Въ самыя отдаленныя времена Терекъ-даванъ служилъ дорогою между Китаемъ и Средней Азіей. Изъ всѣхъ переваловъ, ведущихъ изъ Ферганы въ Кашгарію, этотъ единственно доступный до извѣстной степени въ теченіе большей части года; остальные настолько заносятся снѣгомъ, что составляютъ непреодолимое затрудненіе для каравановъ.

Первыя историческія свѣдѣнія о Терекъ-даванѣ относятся къ началу II вѣка до Р. Хр. Китайскій путешественникъ того времени Джанъ-Кенъ (105 г. до Р. Хр.) свидѣтельствуетъ о томъ, что китайцы пользо-

вались въ своихъ сношеніяхъ съ западомъ Терекъ-даванскимъ перевалом, который назывался у нихъ Тзунглингъ. По ту сторону его находилась страна Нингъ-юанъ или По-ган-на, главнымъ городомъ которой считался Узи (нынѣшній Ошъ). Семь столѣтій спустя, китайцы устремляются на Терекъ-даванъ и овладѣваютъ этой страной, которую теперь называютъ болѣе правильно Фей-ганъ съ тѣмъ-же городомъ Хо-зе. Въ XII в. по Р. Хр. по перевалу шествуютъ полчища карахитановъ. Они занимаютъ Фергану, овладѣваютъ Бухарой и проникаютъ даже въ Харезмъ или нынѣшнюю Хиву. Позже, а именно въ началѣ XV в., Терекъ-даванъ видѣлъ на своей спинѣ миролюбивое посольство съ Тимуровымъ сыномъ во главѣ направлявшееся въ Китай съ тѣмъ, чтобы поддержать съ нимъ торговыя сношенія Средней Азіи, а столѣтіе спустя (въ 1512 г.) знаменитаго Бабера, который послѣ пораженія подъ Самаркандомъ, стремительно бѣжалъ на Кашгаро-Индійскую дорогу. Много горя причинилъ человѣчеству на своемъ долгомъ вѣку

чудовищный перевалъ. Въ одномъ 1847 году, когда Катта-тюря съ остатками войскъ возвращался въ Фергану, большая часть 100-тысячной толпы кашгарскихъ эмигрантовъ нашла свою смерть въ снѣгахъ Терекъ-давана: „множество дѣтей замерзло при переходѣ черезъ перевалъ; взрослые отмораживали руки и ноги; многіе умерли отъ голода. По приходѣ въ Ошъ кашгарцы продавали своихъ дочерей по 2—4 рубля, чтобы добыть денегъ на покупку хлѣба“ (*). Въ 1884 году повторилась таже печальная исторія со многими тысячами дунганъ, бѣжавшихъ отъ китайцевъ въ русскіе предѣлы. Торговые караваны и по настоящее время становятся нерѣдко жертвою предательскаго непостоянства Терекскаго перевала. Два года тому назадъ, по разсказамъ здѣшнихъ киргизовъ, погибло 42 лошади; люди, кажется, успѣли бѣжать и найти пріютъ подъ кровомъ киргизскихъ зимовокъ. Бросаемый на произволъ судьбы товаръ составляетъ, вѣ-

*) Наливкинъ, Краткая исторія Кокандскаго ханства. Казань, 1886, стр. 168.

роятно, непослѣднюю статью дохода мѣстнаго кочевника.

Въ $3\frac{1}{2}$ часа мы пришли на ночлегъ. Легкая головная боль была единственнымъ послѣдствіемъ этого дня, отъ котораго ожидалось такъ много непріятностей.

На слѣдующій день предстояло пройти два перевала, но они, въ сравненіи съ пройденнымъ наканунѣ, такъ ничтожны, что почти не заслуживаютъ упоминанія. По близости разстоянія между ними и по одинаковости ихъ свойствъ они не даромъ получили названіе Икезекъ, что значитъ близнецы. Теперь, при подъемѣ на вершины обоихъ близнецовъ, на развертывающемся передъ глазами горизонтѣ выступаетъ чудная картина Заалайскаго хребта съ его отдѣльными грандіозными пиками: восточнѣе рѣзко обрисовывается трапецевидная вершина Курунды, далѣе къ западу конусомъ подымается Кызылъ-агинъ, еще западнѣе выступаетъ на подобіе шатра Пикъ Кауфмана. Вся видимая отсюда часть хребта покрыта вѣчнымъ снѣгомъ.

Растительность по дорогѣ исключительно

травяная; мѣстами голыя непривѣтливыя пустынныя скалы или покрытые щебнемъ отъ разрушающагося глинистаго сланца скаты, мѣстами мягкаго очертанія увалы съ довольно густой альпійской травкой. Общій видъ унылъ, однообразенъ и дикъ, даже прозрачныя воды бирюзоваго Кокъ-су, на которой мы выѣхали съ ущелья южнаго Терека, не скрашиваютъ общаго впечатлѣнія.

Фауна, по свидѣтельству охотниковъ, далеко не такъ бѣдна, какъ можно судить по первому взгляду. Тутъ водятся стада аргаровъ, кінковъ, мясо которыхъ очень вкусно, горныхъ козловъ, которые выбираютъ для себя недосягаемыя кручи; даже попадаются и медвѣди, хотя и довольно рѣдко. Нѣсколько ниже по верховью сѣвернаго Терека киргизъ привелъ въ нашу ставку хорошенькаго барсенка, отбившагося, повидимому, отъ матери еще слѣпымъ. При слѣдованіи по этому пути, край поражаетъ своею безжизненностью: изрѣдка только раздается крикъ красноклювой галки, да пролетитъ дикій голубь. Постояннымъ нару-

шителемъ тишины является въ этихъ мѣстахъ сурокъ, съ любопытствомъ выглядывающій на васъ изъ своей норки и, при приближеніи къ нему, рѣзкимъ призывнымъ крикомъ оповѣщающій своихъ сосѣдей объ опасности. Звѣрекъ этотъ очень забавенъ въ своемъ рыжемъ одѣяніи. Уважая семейный очагъ, онъ нерѣдко проводитъ время окруженный своими домочадцами гдѣ нибудь на солнечномъ припекѣ. Сосѣдъ по норѣ охотно беретъ на себя трудъ оберегать его покой и, ставъ на заднія лапки, зорко наблюдаетъ за окрестностью. Мѣстами по дорогѣ встрѣчается такое обиліе сурковыхъ норъ, что приходится внимательно слѣдить за лошадью, какъ-бы, оступившись, она не попортила себѣ ногъ.

IV

Иркештамъ.—Китайскій пограничный начальникъ и его отрядецъ.—Положеніе русскихъ торговыхъ людей въ Китаѣ.—Торговля Омско-Кашгарской линіи.

Наконецъ, мы на границѣ нашихъ владѣній съ Китаемъ. По дорогѣ встрѣтился джигитъ отъ китайскаго пограничнаго начальника съ его визитной карточкой и запросомъ, когда ему представиться Командующему войсками.

Выбравшись изъ высокой долинки, по которой пролегаетъ дорога, мы, наконецъ, подошли къ Кызылъ-су, которая, неся въ чрезвычайномъ изобиліи красный глинистый илъ, вполнѣ справедливо носитъ названіе *красной* рѣки. Перейдя въ бродъ нѣсколько рукавовъ, образуемыхъ въ этомъ мѣстѣ Кызылъ-су, мы подъѣхали къ какому-то двору, окруженному высокой бѣлой стѣной; у воротъ его насъ встрѣтили четыре или пять человѣкъ киргизовъ въ формѣ

пограничной стражи, изъ чего надо было заключить, что строеніе принадлежитъ таможенному посту. Половина стражниковъ при разговорѣ съ командующимъ войсками нуждалась въ переводчикѣ и по-русски не понимала; это не мѣшаетъ имъ, однако, исправно нести свою службу и успѣшно ловить контрабанду на огромномъ пространствѣ ввѣренныхъ каждому изъ нихъ раіоновъ. Всѣхъ стражниковъ на Иркештамскомъ переходномъ пунктѣ до 20 человѣкъ. Они размѣщены преимущественно на перевалахъ и разбросаны всюду, гдѣ только возможно прохожденіе вьюковъ изъ Кашгары въ Фергану и обратно. Этихъ переваловъ на Кашгаро-Ошскомъ торговомъ трактѣ или правильнѣе между Иркештамомъ и Суякомъ считается до 11-ти, но въ раіонъ наблюденія Иркештамскаго переходнаго пункта входятъ, кажется, и тѣ перевалы, которые ведутъ изъ восточной половины Алайской долины на Памиръ. Согласно договора съ пекинскимъ кабинетомъ, сообщеніе Ферганы съ Кашгаріей возможно исключительно черезъ Ир-

кештамскій переходный пунктъ. Этотъ торговый путь изъ Оша на Иркештамъ черезъ Терекъ-даванъ не отличается удобствомъ и движеніе по немъ можетъ производиться лишь вьючнымъ способомъ. Вьюкъ не превышаетъ обыкновенно 8—9 пудовъ на лошадь, которая съ этимъ грузомъ проходитъ разстояніе отъ Оша до Кашгара въ 2-хъ недѣльный срокъ.

Противъ таможеннаго двора на плоской возвышенности красуется хорошенькая, повидимому, только что отремонтированная крѣпостца Иркештамъ; бѣлыя, словно картонныя, стѣны блокгауза щеголяютъ своей чистотой. Гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ тридцати человѣкъ казаковъ подъ командой сотника. Кромѣ казаковъ, въ крѣпостцѣ нѣтъ ни души. Единственный посторонній человѣкъ въ Иркештамѣ—это жена офицера. Люди посылаются сюда изъ расположеннаго въ Ферганѣ казачьяго полка и смѣняются ежегодно. Болѣзненности въ гарнизонѣ не замѣтно,—народъ все довольно бравый и здоровый.

По своему положенію у выхода двухъ ущелій—одного, ведущаго изъ Кашгара въ Ошъ черезъ Терекъ-даванъ, и другого—въ Алайскую долину черезъ Таунъ-мурунъ, Иркештамъ, какъ стратегическій пунктъ, имѣетъ довольно важное значеніе. Недаромъ пограничныя китайскія власти въ 1885 г., при совмѣстномъ объѣздѣ границъ представителей русской и китайской пограничной администраціи, оспаривали этотъ пунктъ, ссылаясь въ своихъ домогательствахъ на то, что въ протоколѣ 1883 г. о проведеніи границъ, составленномъ Императорскими полномоченными коммисарами обѣихъ державъ, ни слова не упоминалось о рѣчкѣ Иркештамъ. Китайскій чиновникъ, по внушенію кашгарскаго Дао-тая, отказывался возстановить пограничный знакъ у Иркештама и настаивалъ на упраздненіи этого укрѣпленія, какъ поставленнаго на китайской территоріи, забывая, что пограничная карта 1883 года не давала никакого повода для пререканій. Хотя рѣчка, вдоль праваго берега которой идетъ гра-

ница, и названа не Иркештамомъ, а Мальтабаромъ, но положеніе ея обозначено на картѣ съ точностью, не оставляющею мѣста для сомнѣній. Здѣсь кстати упомянуть, что крѣпостца снабжается водой изъ этого притока Кызылъ-су. Небольшая канавка, отведенная болѣе, нежели за сто саженъ отъ укрѣпленія, идетъ по скату горы, причемъ въ мѣстахъ, гдѣ грунтъ не поддавался кетменю, ложемъ для воды служатъ деревянные желоба, поддерживаемые столбами.

Климатъ отличается большими колебаніями температуры и влажности. Постоянный западный вѣтеръ навѣваетъ со стороны Заалайскаго хребта грозныя тучи, разрѣшающіяся въ одинъ и тотъ-же день и дождемъ, и градомъ, и снѣгомъ. Зимою вѣтеръ, сдувая снѣгъ, обнажаетъ промерзающую насквозь почву окружающихъ пустынныхъ холмовъ и тѣмъ лишаетъ мѣстность какой-бы то ни было растительности, придавая ей чрезвычайно печальный видъ. Жизнь въ теченіе года въ такомъ забытомъ Богомъ

углу должна показаться русскому человѣку большимъ испытаніемъ.

Наше пребываніе въ Иркештамѣ затянулось на лишнія сутки; приходится коротать здѣсь три ночи. Съ утра погода довольно сносная, небо чисто и ничто не предвѣщаетъ, повидимому, перемѣны; но вотъ, послѣ полудня, западныя вершины горъ начинаютъ куриться, вѣтеръ усиливается, вершины скрываются за сѣрыми мрачными тучами, которыя, спускаясь ниже, окружаютъ долину холоднымъ туманомъ, къ вечеру смѣняющимся настоящимъ дождемъ или изморозью. Раннимъ утромъ ближайшія возвышенности покрыты бѣлымъ покровомъ, съ лучами солнца постепенно исчезающимъ. Такое состояніе погоды сильно насъ удручало и мы съ нетерпѣніемъ ожидали выступленія.

Значительнымъ развлеченіемъ для всего отряда послужилъ визитъ Командующему войсками китайскаго пограничнаго начальника. Несмотря на увѣдомленіе этого китайца о томъ, что о времени пріема ему

будетъ сообщено позже, онъ не вытерпѣлъ, и конный отрядецъ его спозаранку появился на западной сторонѣ границы, остановившись въ почтительномъ отъ насъ разстояніи на возвышенной площади. Двѣ пары красиво развѣвающихся по вѣтру значковъ по неодинаковой формѣ ихъ и рисунку указывали на то, что отрядъ состоитъ изъ двухъ различныхъ родовъ оружія. Самъ начальникъ отряда въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ спустился къ нашему лагерю. Бывалый и находчивый подполковникъ Громбчевскій, чтобы не поставить гостя, котораго рѣшено было принять не ранѣе слѣдующаго дня, въ неловкое положеніе, радушно пригласилъ его въ свою юрту. Немедленно около юрты столпились наши казачки и съ любопытствомъ оглядывали китайскихъ солдатъ.

Отрядъ явился изъ пограничнаго кашгарскаго городка Улукчата, находящагося на разстояніи одного перехода отъ Иркештама. Часть людей принадлежала лянзѣ, т. е. баталіону регулярной арміи, другую

составляли кашгарскіе каракиргизы, набираемые въ иррегулярное войско. Говорятъ, что оба войска не питаютъ другъ къ другу довѣрія, и лянза, составляющая вмѣстѣ съ киргизами гарнизоны пограничныхъ городовъ Восточнаго Туркестана, тщательно запирается на ночь отъ киргизовъ въ крѣпостныя укрѣпленія. Вообще, китайское правительство, не довѣряя кочевому элементу населенія, старается удержать его въ подчѝненіи различными льготами, которыя осѣдлому населенію никогда и не снились. Такъ, каракиргизы, кочующіе у нашей границы, совершенно освобождены отъ всякихъ податей и только выбираемые аулами беки пользуются правомъ сотаго барана. Конечно, столь снисходительное отношеніе къ кочевникамъ, въ противоположность съ безжалостнымъ обложеніемъ осѣдлыхъ жителей, объясняется не однимъ лишь политическимъ тактомъ, но и пугающею китайское правительство сложностью административнаго механизма, который потребовался бы для фискальныхъ цѣлей въ

столь отдаленныхъ провинціяхъ государства.

Пограничныя съ нами войска Китая, какъ сказано выше, набираются изъ двухъ народностей. Вербуемые въ лянзу въ большинствѣ случаевъ уроженцы провинцій Карашаръ и Анъ-си. Ихъ безбородыя лица, на которыя гашишъ и опіумъ наложили характерныя черты какой-то дряблости и тусклости, придаютъ имъ скопческій видъ, а ихъ головной уборъ изъ бѣлаго съ синими разводами миткаля, напоминающій повойникъ нашихъ деревенскихъ обывательницъ, не мало смущалъ нашихъ казачковъ, которые, не долго думая, обозвали это мало внушительное войско „бабьемъ". Совсѣмъ другой видъ представляли иррегулярные солдаты. Ихъ скуластыя, плосконосыя лица, черныя чалмы на головѣ и винтовки за плечами придаютъ имъ довольно воинственную наружность. Обмундировку китайскихъ солдатъ составляетъ куртка безъ рукавовъ изъ плотнаго небѣленаго холста съ разрисованными щитами на груди и спинѣ, нижняя теплая кацавейка у кирги-

зовъ и полукафтанъ съ боковыми разрѣзами снизу у ляызы. На ногахъ коленкоровые набедренники, спускающіеся до колѣнъ и поддерживаемые такими же чулками. Обувь подбита войлочными подошвами и очень разнообразна. Она, кажется, пріобрѣтается солдатами на собственный счетъ. Вооруженіе китайскаго отрядца не мало породило насмѣшливыхъ замѣчаній нашихъ конвойцевъ. Ружья, повидимому, вышли изъ различныхъ мастерскихъ; у одного прикладомъ вверхъ торчитъ кремневый мултукъ мѣстнаго производства, у другаго узнаете тульскую фабрикацію, у третьяго замѣчаете винтовку англійскихъ заводовъ. Оружіе содержится небрежно и, въ этомъ запущенномъ видѣ, едва-ли годно для своего прямаго назначенія. Каждый солдатъ получаетъ въ мѣсяцъ около 6-ти ланъ, что составляетъ на наши деньги около 12-ти рублей на всемъ готовомъ. „За такое жалованье— по замѣчанію Командующаго войсками— можно было бы имѣть войско много лучше“. Нѣсколько маневровъ, продѣланныхъ передъ

нашими глазами, показали, что обученіе войска не заброшено, хотя эволюціи и не отличаются той внѣшней стройностью, которая свойственна европейскимъ войскамъ. Длинными, но легкими бамбуковыми пиками киргизы владѣютъ очень ловко. Лошади, хотя и не подобраны ни по росту, ни по масти, крѣпки и быстры. Китайцы, повидимому, предпочитаютъ иноходцевъ, и лошадь подъ дариномъ отличалась въ особенности этимъ спокойнымъ для всадника бѣгомъ. Въ общемъ же, по свидѣтельству путешественниковъ по Кашгаріи, эта провинція бѣдна лошадьми и коневодство встрѣчаетъ здѣсь значительное противодѣйствіе со стороны китайцевъ, которые забираютъ у туземцевъ лошадей въ казну безплатно.

Пограничный начальникъ, судя по его красному шарику на черной войлочной шляпѣ, украшенной павлинымъ перомъ, и по нарядной курткѣ, вѣроятно, стоитъ на довольно высокой ступени китайской іерархіи. Нами рѣшено было, что онъ въ генеральскомъ чинѣ и носитъ званіе „дарина“.

Имени его я не запомнилъ. Онъ очень тактичный и приличный китаецъ. Его толстая, открытая добродушная фигура внушала полную симпатію. Извинившись передъ Командующимъ войсками въ томъ, что бѣдность края, а, главное, неожиданное прибытіе его превосходительства на границу не дали ему возможности приготовить для столь высокаго посѣтителя соотвѣтствующихъ подарковъ, даринъ преподнесъ Начальнику края какія-то фарфоровыя безделушки и нѣсколько кусковъ шелковыхъ издѣлій, за что былъ отдаренъ довольно таки щедро—добрымъ конемъ и золотыми часами. Послѣднія были ему весьма кстати: не имѣя правильнаго представленія о времени и не желая запоздать, онъ предпочиталъ являться слишкомъ рано. Въ тотъ-же день онъ приглашенъ былъ къ обѣду. Китаецъ былъ очень церемоненъ, но тѣмъ не менѣе нигдѣ не пересаливалъ, отвѣчалъ весьма находчиво и, вообще, держалъ себя прекрасно. Бесѣда съ нимъ Командующаго войсками не отличалась, однако, особеннымъ

содержаніемъ, не было рѣчи объ общихъ обѣимъ имперіямъ пограничныхъ интересахъ, напримѣръ, о мѣрахъ къ расширенію торговаго движенія или средствахъ обезпечить безопасность нашихъ каравановъ. Разговоръ вертѣлся на малозначущихъ предметахъ. Очевидно, Начальникъ края не считалъ китайца достаточно высокимъ чиновникомъ, съ которымъ слѣдовало бы допустить обмѣнъ мыслей политическаго значенія. Даже отпуская дарина, Начальникъ края не счелъ возможнымъ выразить ему благодарность за то, что онъ, со времени назначенія его на занимаемый постъ, сумѣлъ до извѣстной степени устранить многія недоразумѣнія, такъ часто возникавшія на границѣ до него.

Извѣстно, что наши караваны въ рѣдкихъ случаяхъ проникаютъ въ Китай далѣе 500—600 верстъ отъ границы. Съ 1872 по 1882 г. только на трехъ караванныхъ путяхъ разграблено нашихъ товаровъ китайскими подданными на сумму 330.000 рублей. Убытокъ этотъ большею своею частью падаетъ на ферганскихъ купцовъ

или—какъ ихъ называютъ въ Кашгаріи—андижанцевъ. Предпріимчивый народъ нерѣдко рисковалъ не только своимъ кошелькомъ, но и свободой и даже жизнью. За упомянутое десятилѣтіе насчитывается до 60-ти человѣкъ убитыхъ при нападеніяхъ на караваны и до 30 взятыхъ въ рабство. Нельзя поручиться, что и въ настоящее время русскіе подданные не томились бы въ китайскихъ тюрьмахъ или въ кабалѣ у разбойниковъ. Неоднократно указывалось на участіе въ разбояхъ самихъ китайскихъ чиновниковъ, бравшихъ на себя организацію нападенія на русскіе караваны. Жалобы же на притѣсненія и незаконные поборы съ купцовъ были дѣломъ болѣе, нежели обыкновеннымъ. Взяточничество въ пограничныхъ съ нами китайскихъ провинціяхъ, благодаря необезпеченности чиновниковъ и отдаленности отъ правительственныхъ центровъ, долго еще будетъ служить препятствіемъ для развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ Кашгаріей.

До учрежденія русскаго консульства въ

Кашгарѣ жалобы на притѣсненія русскихъ купцовъ доводились до свѣдѣнія нашего посланника въ Пекинѣ, но на всѣ представленія получались обыкновенно стереотипныя отговорки дайцинскаго правительства, что оно-де не получило еще никакихъ оффиціальныхъ извѣстій изъ отдаленныхъ западныхъ провинцій. Рѣшенія откладывались въ дальній ящикъ; дополнительныя свѣдѣнія и свидѣтельскія показанія требовались во второй и третій разъ; потерпѣвшіе, въ виду безконечныхъ проволочекъ, отказывались отъ дальнѣйшаго веденія процесса. Между тѣмъ, при отсутствіи защиты въ дѣлахъ насилія и явнаго беззаконія, терялся престижъ власти, и въ умахъ восточнаго населенія создавались превратныя понятія о безсиліи русскаго правительства предъ китайскимъ могуществомъ. Съ учрежденіемъ консульства безнаказанность убійствъ и грабежей стала немыслима; однако, злоупотребленія со стороны китайскихъ властей въ формѣ придирокъ, неправильныхъ обложеній и другихъ незаконныхъ дѣйствій въ

отношеніи русскихъ купцовъ, не прекратились и доставляютъ русскому представителю въ Кашгарѣ не мало хлопотъ и пререканій.

На другой день ординарецъ Командующаго войсками завезъ дарину визитную карточку генерала. Освѣдомившись у А. о причинахъ столь ничтожнаго конвоя при генералъ-губернаторѣ и услыхавъ, что Командующій войсками считаетъ себя совершенно безопаснымъ съ самымъ незначительнымъ отрядомъ, китаецъ продолжалъ недовѣрчиво улыбаться. Оказалось, что слухъ, пронесшійся въ Кашгарѣ и въ сосѣднихъ провинціяхъ Китая, приписалъ прибытію генерала въ Иркештамъ намѣреніе овладѣть всей Кашгаріей, и населеніе сильно было взволновано ожиданіемъ дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны нашего отрядца. Въ день выступленія даринъ со своимъ конвоемъ явился проводить Начальника края. Тѣсное смѣшеніе нашего отряда съ пестрыми и разноцвѣтными китайскими всадниками представляло взору довольно забавную и даже

нѣсколько трогательную картину. Однако, вѣжливость—и предупредительность китайцевъ не заслуживаютъ особаго довѣрія, и у себя дома они не стѣсняются обнаруживать самыя враждебныя чувства по отношенію къ русскимъ путешественникамъ. Подполковнику Громбчевскому, въ его поѣздкѣ по Кашгаріи въ 1885 году, нерѣдко приходилось испытывать на себѣ всю силу китайскаго недоброжелательства къ намъ. Однажды онъ чуть не палъ жертвою самаго наглаго и дерзкаго насилія со стороны командира одной лянзы, приказавшаго двумъ своимъ солдатамъ произвести на него нападеніе.

Начиная съ низшихъ должностныхъ лицъ и кончая сановниками, поставленными во главѣ управленія провинціями, китайскія власти, въ силу традиціонной замкнутости государства, готовы ставить на каждомъ шагу препятствія для законной любознательности туристовъ. Г-нъ Громбчевскій разсказывалъ, что приставленные къ нему шпіоны переписывали навѣщавшихъ его

русскихъ подданныхъ, за что двухъ изъ нихъ мѣстный амбань подвергъ наказанію палками. Китайцы сами распространяли этотъ слухъ по дорогѣ путешественника и тѣмъ самымъ зажимали, кому слѣдуетъ, рты и затрудняли собираніе свѣдѣній. Для путешествій по Китаю съ цѣлями всесторонняго ознакомленія со страной требуется особенная энергія, стойкая рѣшительность и беззавѣтная смѣлость. Только передъ ними и можетъ спасовать лицемѣріе и враждебность китайскихъ чиновниковъ. Покойный Н. М. Пржевальскій не сдѣлалъ бы и половины, еслибы не обладалъ упомянутыми качествами въ высшей степени.

Наша торговля съ Китаемъ на Омско-Кашгарскомъ трактѣ носитъ по преимуществу мѣновой характеръ; размѣры ея съ каждымъ годомъ видимо увеличиваются. Ситцы, сукна, шелковыя издѣлія Туркестанскаго производства, сахаръ, металлическія издѣлія и частію мелкій рогатый скотъ составляютъ предметы вывоза и обмѣниваются на кашгарскую бѣлую кошму,

находящую себѣ большое употребленіе въ Ферганѣ, мату, шелковыя охлопья (сарнакъ), квасцы, ревень, нашатырь, серебро, отчасти кораллы и самоцвѣтные камни. Квасцы идутъ на краски и частью, какъ лекарственное вещество, пользующееся у киргизовъ широкимъ распространеніемъ. Зеленый чай также ввозится въ значительномъ количествѣ; онъ составляетъ продуктъ индійскаго происхожденія и пользуется у киргизовъ несравненно большимъ предпочтеніемъ, нежели черный чай. Серебро, въ формѣ китайскихъ ямбъ, отправляется въ Нижегородскую ярмарку и употребляется на подѣлки. Китайскіе торговцы нерѣдко крайне недобросовѣстны въ своихъ операціяхъ и русскіе купцы, преимущественно изъ татаръ и ферганскихъ сартовъ, часто оказываются жертвами самаго безсовѣстнаго надувательства. Такъ въ обмѣнъ за свои товары они получаютъ серебро въ слиткахъ опредѣленнаго вѣса стоимостью, судя по курсу рубля, въ 100—120 руб. и довѣряя клейму, не подозрѣваютъ въ ямбахъ примѣси свинца

или чугуна частью сплавленныхъ, частью врѣзанныхъ кусками въ слитки. Только впослѣдствіи убѣждается довѣрчивый купецъ въ обманѣ и простодушно удивляется китайской изобрѣтательности.

Привожу цифры, которыя хотя отчасти могутъ свидѣтельствовать о торговомъ движеніи на Ошско-Кашгарскомъ пути въ наиболѣе оживленное время года.

Въ 1891 году за періодъ отъ 1-го января по 1-е августа ввезено разныхъ товаровъ 21,627 пуд. 13 фун. стоимостью 256,622 руб. 18 коп., серебра (ямбъ) 70 пуд. 3½ фун.—62,260 руб. Итого ввезено 21,697 пуд. 16½ фун. стоимостью 324,882 руб. 18 коп.

Вывезено разныхъ товаровъ 20,748 пуд. 19 фун. стоимостью 327,040 р. 78 коп.; вывезено обратно серебра 17 п. 35½ фун. стоимостью 17,499 руб. Итого вывезено 20,766 пуд. стоимостью 344,539 руб. 78 копѣекъ.

Раньше предметомъ ввоза, значительно увеличивавшимъ его цифру, служилъ ин-

дійскій чай, который чрезъ Кашгаръ направлялся въ Яркендъ и Кашгаръ и оттуда шелъ на Ошъ; но съ тѣхъ поръ, какъ китайцы запретили ввозъ этого продукта въ предѣлы своей территоріи и поставили съ этою цѣлью досмотрщиковъ въ Шахидула-ходжѣ, чай, привозимый изъ Индіи, нашелъ себѣ новые пути въ Россію, завоевывая постепенно, благодаря сравнительной дешевизнѣ, положеніе, конкурирующее съ китайскимъ чаемъ.

V

Дорога къ Алаю.—Природа Алая.—Кызылъ-су и ея притоки.—Образъ жизни населенія.

Девятаго августа мы выступили изъ Иркештама по направленію къ Алаю. Дорога подымалась по долинѣ того-же Кызылъ-су и мѣстность мало-по-малу стано-

вилась оживленнѣе. Слѣва зеленѣющіе склоны горъ были покрыты мѣстами ползучей арчей, которая, разростаясь кругами, образуетъ очень эффектные газоны густой темной зелени; выше, къ вершинамъ горъ, стали появляться ели, постепенно увеличиваясь въ числѣ. Но не долго взоръ тѣшился этимъ относительнымъ разнообразіемъ красокъ. Скоро исчезли слѣды древесной растительности. Зато впереди постепенно развертывалась предъ глазами другая, несравненно болѣе замѣчательная картина: долина Алая. Оставивъ въ сторонѣ перевалъ Таунъ-Мурунъ, мы черезъ перевалъ Кызылъ-бель спустились къ рѣчкѣ Кара-су и къ урочищу Шуръ-булакъ. Невдалекѣ отъ ночлега оказались многочисленные слѣды когда-то стоявшаго здѣсь лагеря. Рвы, ложементы, редуты казалось оставлены только въ прошломъ году. Здѣсь въ 1880 г. стоялъ русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Абрамова.

По дорогѣ на Шуръ-булакъ и далѣе къ Каракендыку попадается значительное ко-

личество проваловъ на подобіе большихъ-ямъ или углубленій воронкообразнаго очертанія. Въ верхнемъ слоѣ почвы преобладаетъ суглинокъ съ довольно густой травянистой растительностью. Стѣнки воронокъ сохраняютъ тотъ же характеръ, т. е. выложены верхнимъ пластомъ суглинистой почвы и поросли той-же травой, но дно большинства этихъ углубленій покрыто или обнаженнымъ гальковымъ слоемъ или пластомъ глины съ глубокимъ отверстіемъ въ немъ на подобіе входа въ пещеру. Образованіе этихъ воронокъ, кажется, слѣдуетъ отнести къ значительному скопленію почвенной воды надъ толстымъ водоупорнымъ слоемъ. Лежащіе подъ нимъ песчаниковые и гипсовые пласты на столько значительны, что подмываемые почвенной водой образуютъ пустоты, надъ которыми верхній глинистый слой, осѣдая по своей тяжести, образуетъ воронкообразные провалы. На днѣ этихъ углубленій по временамъ выступаетъ почвенная вода. Это мнѣніе подтверждается еще и тѣмъ, что здѣсь можно на-

блюдать появленіе ручьевъ непосредственно изъ почвы. Почвенная вода, въ мѣстахъ пониженія верхнихъ пластовъ до ея уровня, находитъ себѣ свободный выходъ на поверхность, выступая не родникомъ, а ручейкомъ глубиною нерѣдко до полуаршина.

Другое объясненіе, по которому образованіе воронокъ относится къ атмосфернымъ осадкамъ, неравномѣрно скопляющимся на поверхности земли и вымывающимъ верхніе пласты, почвы, нельзя считать удовлетворительнымъ.

Съ Каракендыка, который изолированно возвышается небольшимъ холмомъ на площади долины, открывается уже перспектива Алая. На высотѣ 11-ти тысячъ футъ, съ сѣверо-востока на юго-западъ, растилается предъ вами громадное луговое пространство, перерѣзанное вдоль и поперекъ горными ручьями, сбѣгающими съ обоихъ боковъ долины. Взоръ съ трудомъ отрывается отъ чудной панорамы Заалайскаго хребта, рѣзкими линіями очерчивающагося на южной сторонѣ. Цѣлая непрерывная

стѣна снѣга тянется на пространствѣ болѣе ста верстъ, играя на солнцѣ, какъ хрусталь, гранями отдѣльныхъ вершинъ. Въ восточной части этой стѣны выдѣляется Курунды съ своими нѣсколькими головами, изъ которыхъ самая высокая видна далеко съ переваловъ Алая. Высота ея измѣрена въ 24 тысячи футъ, но, сравнительно съ другими пиками, она такъ рѣзко поднимается надъ ними, что можно предполагать въ ней и большую высоту. Западнѣе высятся два рядомъ стоящіе сосѣда: Кызылъ-Агыны, а еще далѣе, совсѣмъ къ юго-западу, на подобіе шатра выдвигается вершина Кауфманскаго пика, высота котораго опредѣлена въ 23 тыс. футъ.

Холодомъ обдаетъ ледяное спокойствіе застывшихъ въ гордомъ величіи исполиновъ и жутко становится на душѣ при созерцаніи этихъ суровыхъ негостепріимныхъ снѣжныхъ громадъ. Наивная фантазія кочевника, пораженнаго величественною красотою Заалайскаго хребта и его холодною недоступностью, окружила эти горы таинственностью. По

одной изъ легендъ на южныхъ склонахъ хребта лежитъ страна, полная чудесъ, гдѣ золото кипитъ и бурлитъ въ родникахъ, гдѣ пребываютъ одни лишь святые и куда простому смертному проникнуть нельзя. Страна эта носитъ названіе „Джалъ-хай-даръ". Преданіе гласитъ далѣе, что какой-то смѣльчакъ, увлекшись преслѣдованіемъ дикихъ козъ, попалъ на ту сторону горъ и взору его представился дивный „Джалъ-хай-даръ". Когда-же онъ, по возвращеніи домой, собралъ товарищей и вновь отправился съ ними въ чудную страну, вмѣсто земнаго рая, они нашли безконечный снѣгъ и стужу, отъ которыхъ погибли.

Поэтическое созданіе пастушескаго воображенія можетъ быть вовсе не такъ далеко отъ истины, какъ кажется съ перваго взгляда. Современное возрѣніе на Памиры присваиваетъ имъ значеніе колыбели человѣческаго рода. По мнѣнію ученыхъ, нынѣшняя памирская возвышенность составляла нѣкогда дно моря, которое разливалось далеко на западъ, соединяясь съ нынѣш-

ними Араломъ и Каспіемъ, погружало въ своихъ водахъ всю центральную Азію и выдвигало лишь небольшія группы острововъ—нынѣ ставшіе памирскими кряжами. Къ концу эпохи отложенія третичныхъ осадковъ выдвигавшіеся изъ моря острова сформировались въ материкъ; материкъ породилъ животную жизнь и привлекъ къ ней человѣка. Море отступало все далѣе, материкъ поднимался все выше и животная жизнь раздвигалась все шире. Удивительная страна, полная непроницаемой тайны, поднявшаяся какъ Венера изъ пѣны бушевавшаго моря, давно уже сыграла свою роль рая и обратилась въ застывшую, безмолвную забытую человѣкомъ пустыню.

Средняя высота Заалайскаго хребта простирается до 18.000 ф. Въ средней своей части хребетъ представляетъ значительное пониженіе, такъ что Кызылъ-артскій перевалъ, высотою до 14 тыс. фут., большую часть года бываетъ доступенъ. Западнѣе Кызылъ-арта кряжъ отходитъ нѣсколько къ югу, направляясь къ верховьямъ Мука.

Вся площадь, занимаемая Алаемъ, достигаетъ 34 кв. миль. Ширина ея на всемъ 120 верстномъ протяженіи приблизительно одинакова и не превышаетъ 15-ти, много 20-ти верстъ. Верхняя часть долины, носящая названіе Башъ-Алая и начинающаяся отъ водораздѣла трехъ бассейновъ, лежитъ на высотѣ 12-ти тыс. фут. и постепенно понижаясь, на срединѣ не спускается ниже 10-ти тысячъ фут.; у западнаго же конца на уровнѣ Дараутъ-Кургана высота ея понижается до 8000 фут.

Столь исключительное по своей высотѣ положеніе Алая приближаетъ его къ типу продольныхъ долинъ Памира, которыя обязаны своимъ существованіемъ геологическому строенію образовавшихъ ихъ поднятій, и которыя, сохраняя существенные признаки долинъ, по внѣшнему своему характеру, могутъ быть названы плоскогорьями. Замыкаясь ниже Дараутъ-Кургана верстахъ въ 40, у Большаго Карамука, значительнымъ отрогомъ, образующимъ узкую тѣснину, Алайская долина, по мнѣнію нѣкоторыхъ

геологовъ, представляла собою нѣкогда нагорное озеро,—прорвавшее себѣ выходъ у Карамука. Въ ледниковый періодъ Алай представлялъ громаднѣйшую mer de glace, и если въ настоящее время поверхность долины не сохранила моренныхъ остатковъ, то только потому, что за время озернаго періода послѣдніе были сглажены наносами озернаго мелкаго матеріала. Слѣды моренныхъ остатковъ, по мнѣнію Д. Иванова, весьма хорошо сохранились вдоль Терсъ-Агарскаго ущелья, спускающагося къ Алаю, а равно и въ долинѣ р. Мука. Но другіе геологи и между ними профес. Мушкетовъ, отрицаютъ существованіе на Памирскихъ массивахъ ледниковаго періода и объясняютъ происхожденіе долинъ, какова Алайская, мягкостью породъ составляющихъ ее горныхъ кряжей. Разрушительное дѣйствіе воды, подтачивавшей слагающія долину мягкія породы, произвело постепенно громадный размывъ почвы и создало такимъ образомъ обширную нагорную долину.

У Каракендыка сліяніе Кара-су съ исто-

комъ Айляма образуетъ Алайскую Кызылъ-су. Дорога идетъ по правому берегу рѣки черезъ рѣчку Шартъ и держится до самаго Сыры-Таша, подножія Алайскихъ горъ. Особенно хороша долина, если смотрѣть на нее съ возвышенности. Съ Сары-таша дорога направляется на урочище Арча-булакъ, единственное, кажется, гдѣ на неприступныхъ скалахъ сохранились ничтожные слѣды ползучей разновидности арчи. Чтобы видѣть долину во всю ея ширину, я поднялся по направленію къ Хатынартскому перевалу. Чудная картина представилась взору. Изъ многочисленныхъ ущелій Заалайскаго хребта играющими на солнцѣ извилистыми лентами несутся ручьи и рѣчки къ широкому руслу Кызылъ-су. Ближайшій изъ нихъ—потокъ Кызылъ-артъ; его легко можно прослѣдить до урочища Уртакъ-чукуръ. Ниже еще многоводнѣе Кызылъ-Агынъ, который прежде, чѣмъ дойти до Кызылъ-су, распадается на цѣлую сѣть протоковъ, заливающихъ луга противоположнаго берега. Сама Кызылъ-су тоже

крайне капризна въ своемъ теченіи и постоянно мѣняетъ свое ложе, распадаясь на множество рукавовъ, и, образуя безконечные протоки, изчерчиваетъ долину самымъ прихотливымъ образомъ. Однако, на всемъ своемъ теченіи Кызылъ-су придерживается Алайскаго склона, оставляя между своимъ лѣвымъ берегомъ и заалайскими предгорьями широкое луговое пространство. Правые притоки въ это время года очень маловодны и намъ нерѣдко попадались совершенно обсохшія ложа ручьевъ, тогда какъ лѣвые, питаясь снѣгами сѣвернаго склона Заалайскаго хребта, никогда не пересыхаютъ.

Дорога изъ Арчибулака продолжаетъ неизмѣнно идти правымъ берегомъ рѣки. На срединѣ перехода къ Сарыкъ-Моголу попадается значительный ручей Талдыкъ, текущій съ перевала того-же названія, открывающаго дорогу на Ольгинъ лугъ. За двѣ версты до привала опять встрѣчается ручей, по долинѣ котораго идетъ дорога на Акъ-буру и далѣе на Ошъ. Только тотъ, кто очень торопится попасть въ городъ,

рискнетъ пробраться по перевалу Джиптыкъ, и если благополучно избѣгнетъ всѣхъ встрѣчающихся на немъ препятствій, можетъ выиграть два дня пути. На ночлегъ остановились у Сарыкъ-Могола и въ ожиданіи извѣстій изъ-за Заалая, Командующимъ войсками рѣшена была на слѣдующій день дневка.

Сарыкъ-Моголъ довольно многоводенъ; нѣкоторые признаки указываютъ на присутствіе въ его пескѣ золота. По берегу рѣки, стекающей съ перевала того-же названія, открывается дорога на долину Малаго Алая. Съ этого пункта въ долинѣ замѣчается нѣсколько большое оживленіе; по южнымъ склонамъ Алая отъ времени до времени начинаютъ встрѣчаться зимовки, попадаются мазары, пользующіеся у простодушныхъ номадовъ исключительнымъ и трогательнымъ вниманіемъ. Для путешественника, утомленнаго окружающимъ безлюдьемъ, и эти нѣмыя могилы дороги уже не какъ обители смерти, а какъ признаки человѣческаго пребыванія. Въ 5 верстахъ отъ

Сарыкъ-Могола въ Кызылъ-су вливается съ лѣвой стороны Ачикъ-Ташъ, въ верховьяхъ котораго добываются квасцы, а нѣсколько ниже въ мѣстности, носящей названіе Ходжа-Чумты, залегаетъ хорошій алебастръ.

Еще ниже по теченію въ урочищѣ, называемомъ Кызылъ-тепе, по ложбинамъ алайскаго подножья ютятся довольно многочисленныя зимовки киргизовъ колѣна теитъ, а тамъ при впаденіи рѣчки Капка-су въ Кызылъ, виденъ уже и зеленый шатеръ съ распростертыми крыльями, гдѣ насъ ожидаетъ обѣдъ и ночлегъ.

Кстати о снѣ и ѣдѣ. Нигдѣ такъ не цѣнится удовлетвореніе обѣихъ этихъ потребностей, какъ при путешествіяхъ жителя равнинъ по нагорнымъ площадямъ Азіи. Воздухъ рѣже равниннаго въ полтора раза, сухъ, чистъ, богатъ азономъ, свободенъ отъ всякой органической примѣси. Кожа поэтому работаетъ усиленнѣй, грудная клѣтка расширяется энергичнѣй, сердце сокращается чаще, мышечная ткань всего тѣла устаетъ больше и скорѣе—всѣ условія спо-

собствуютъ усиленному обмѣну веществъ и апетитъ по истинѣ достигаетъ степени алчности. Сонъ въ горахъ непродолжителенъ, но покоенъ и укрѣпляетъ. Путешественнику достаточно 5—6 часовъ ночного сна, хотя рѣдко кто устоитъ противъ часоваго отдыха днемъ.

Работники канцелярій и кабинетовъ, жертвы сидячаго труда и переутомленія могли-бы найти въ этихъ дешевыхъ и занимательныхъ путешествіяхъ отличное средство противъ своего малокровія, плохого апетита, брюшныхъ застоевъ, гипохондріи, хроническихъ бронхитовъ и легочной чахотки въ начальныхъ ея степеняхъ. Разумѣется такія прогулки не рекомендуются страдающимъ болѣзнями сердца.

Погода въ долинѣ все время стояла прекрасная. По утрамъ небо совершенно чистое, ни одного облачка на ясной лазури; воздухъ прозраченъ, и рѣзкія грани Заалайскихъ вершинъ отчетливо вырисовываются на горизонтѣ. Къ полудню или еще раньше появляются легкія тучки у Заалая;

цѣпляясь за выступы горныхъ массивовъ, какъ бы не въ силахъ оторваться отъ нихъ, ряды облаковъ наслаиваются все гуще и закрываютъ, наконецъ, собою горные пики. Воздухъ послѣ полудня наполняется сухимъ туманомъ, сквозь дымку котораго глазъ перестаетъ различать отдаленные предметы. И чѣмъ жарче начинаетъ припекать солнце, тѣмъ гуще застилается горизонтъ. Эти туманы на Алаѣ, какъ и въ Ферганской долинѣ, объясняются рѣзкой разницей въ температурѣ дня и ночи: нагрѣтый воздухъ поднимаетъ съ земной поверхности тончайшія частицы лесса и уноситъ ихъ вверхъ. За ночь онѣ успѣваютъ осѣсть, и къ утру, когда токи воздуха незначительны, воздухъ чистъ и прозраченъ. Въ августѣ днемъ настолько тепло, что можно ѣхать въ кителѣ, но съ закатомъ солнца наступаетъ значительная свѣжесть, и ночью термометръ, даже въ юртѣ, спускался нерѣдко до 0°. Приходилось отоплять наши юрты кострами. Пяти-шести порядочныхъ сучьевъ валежника достаточно, чтобы согрѣть юрту на

нѣсколько часовъ. Дымъ уходитъ въ открытый верхъ кибитки и въ ней не остается никакого угара. Къ утру, разумѣется, юрта охлаждается, но многіе изъ насъ, избалованные удобствами путешествія, сибаритничали до того, что вставали со своихъ походныхъ постелей не иначе, какъ обогрѣвшись предварительно у разведеннаго костра. Предупредительная администрація Ошскаго уѣзда не жалѣла для насъ топлива, не смотря на то, что по всему восточному Алаю нельзя было встрѣтить ни одного деревца. Дрова доставлялись киргизами съ горъ. Древесныя породы попадаются только въ глубокихъ ущельяхъ Алайскаго хребта и со стороны долины не видны; мѣстами лишь встрѣчаются на недоступныхъ скалистыхъ склонахъ темныя пятна ползучаго можжевельника, пощаженнаго случайно кочевниками. Верхній предѣлъ арчи достигаетъ въ Алайскомъ хребтѣ 11,200 фут. (по Федченкѣ), а нижній спускается до 6000 фут. Слѣдовательно, весь ея поясъ шириною въ 5 тыс. фут. Лиственный лѣсъ

не поднимается выше 6000 фут., и только береза попадалась Федченкѣ выше этого уровня. Ниже растетъ рябина, berberis vulgaris, salix; выше встрѣчаются только кустарники жимолости и ephedr'ы.

Отличительное свойство Алайской долины и ея обоихъ нагорныхъ склоновъ составляетъ обиліе травъ. Трава не отличается ни ростомъ, ни особенной густотой,—напротивъ, она мелка, но зато представляетъ собою незамѣнимый по своей питательности подножный кормъ. Киргизы говорятъ, что самая изнуренная лошадь послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ долинѣ поправляется до неузнаваемости. Недаромъ самое названіе „алай" по каракиргизски значитъ „рай"*).

На Алаѣ кочуетъ до 17,000 кибитокъ, въ которыхъ живетъ населеніе, принадлежащее къ тремъ киргизскимъ родамъ. Населеніе верхней или восточной половины, самая возвышенная часть которой носитъ названіе

*) Такъ переводитъ Костенко. По другимъ (напримѣръ Коростовцеву) слово «алай» означаетъ удивляться. Изв. И. Г. О. 1877. стр. 249.

Башъ-Алая, составляютъ роды монгушей и адыгинъ; первыхъ насчитывалось въ 1878 году до 1225 кибитокъ, вторыхъ—3145. Они-то и управлялись въ былое время Мармаджанъ-датхой, о которой было говорено выше. Часть этого рода живетъ въ предѣлахъ Памирскаго плоскогорья. Западную половину занимаетъ родъ ичкиликовъ, по своей численности превосходящій втрое роды монгушей и алайскихъ адыгинъ, взятыхъ вмѣстѣ. На лѣтовку въ долину являются не только перечисленные киргизы, зимующіе въ предѣлахъ ошскаго, частью андижанскаго и маргеланскаго уѣздовъ, но и киргизы Памировъ, принадлежащіе родамъ тогай и адыгинъ.

Во время нашего проѣзда, т. е. около средины августа, правый берегъ рѣки былъ почти совершенно свободенъ отъ кочевокъ; только вблизи Хатынартскаго перевала, поднявшись на нѣкоторую высоту, я замѣтилъ небольшое число кибитокъ. Зато на противоположной сторонѣ долины, по лѣвымъ притокамъ Кызылъ-су и у сѣвернаго под-

ножья Заалайскаго хребта, можно было легко различить весьма многочисленныя юрты кочевниковъ съ ихъ стадами и табунами.

Ранней весной, когда въ долинѣ и по ущельямъ горъ все спитъ еще подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ, южные склоны Алайскаго хребта подъ вліяніемъ весенняго солнца, роняющаго на нихъ свои лучи почти отвѣсно, довольно рано пробуждаются къ жизни. Киргизы, покидая свои зимовки, начинаютъ стягиваться сюда со своими стадами. Мало-по-малу отогрѣвается почва на днѣ долины. Кочевья перемѣщаются съ праваго берега Кызылъ-су на широкій просторъ лѣваго. Къ этому времени и сѣверные склоны Заалая зеленѣютъ уже отборной альпійской муравой и манятъ къ себѣ киргизскія стада на остальное лѣто. По мѣрѣ истребленія корма внизу, у подножія хребта, кочевья передвигаются все выше и выше въ ущелья Заалайскихъ горъ, и, наконецъ, въ разгарѣ нашего лѣта, достигаютъ той высоты, на которой зима уступаетъ свое мѣсто веснѣ лишь на

самый короткій срокъ. Осенью, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, когда съ сѣверныхъ склоновъ Заалая кочевника выгоняютъ холода, онъ опять возвращается на пригрѣтую солнцемъ сторону Алайскихъ горъ, гдѣ къ его возвращенію снова отрастаетъ обильный кормъ. И живетъ такимъ образомъ номадъ, какъ бы гоняясь за вѣчной весной, пока стужа не загонитъ его на короткое время въ его неприглядную зимовку. Все его имущество въ баранахъ и юртѣ. Нѣсколько ковровъ и убогая полка съ посудой составляютъ всю его незатѣйливую утварь. Лѣтомъ айракъ, зимой похлебка изъ муки, приправленная, при достаткѣ, овечьимъ молокомъ или сыромъ (крутъ), составляютъ его столъ. За зиму онъ сбываетъ въ городахъ продукты своей нехитрой мануфактуры, какъ-то: кошму, ковры и другіе предметы изъ шерсти. Передъ лѣтовкой справляетъ онъ платье себѣ и семьѣ, а осенью несетъ подать въ казну. Сборъ съ кочеваго населенія установленъ въ размѣрѣ 5 р. 40 к. съ кибитки.

На одной изъ дневокъ насъ посѣтили кочевники. Въ огромномъ количествѣ собрались они около нашей стоянки и въ знакъ особенной радости видѣть ярымъ-пашу устроили традиціонную игру кукбурэ. Въ большинствѣ случаевъ низкаго роста, неповоротливые и вялые въ своихъ движеніяхъ, часто со слѣдами хроническихъ кожныхъ страданій и глазными болѣзнями, по характеру тихіе и миролюбивые, алайскіе киргизы производятъ впечатлѣніе вырождающагося народца. Но на конѣ киргизъ преобразуется. Весь онъ какъ-бы подтягивается; въ движеніяхъ его больше эластичности, держится онъ увѣреннѣе. Онъ лихой и неутомимый наѣздникъ, который не задумается ни передъ какимъ разстояніемъ, и если потребуютъ обстоятельства, можетъ совершить на своемъ невзрачномъ конѣ невообразимо—трудные и большіе переходы.

Передъ собравшейся для игры конной толпой, брошенъ былъ, какъ это водится, обезглавленный козленокъ; кто-то изъ толпы

подхватилъ его и поскакалъ въ сторону, другіе понеслись отнимать. Постепенно игра оживлялась. Поднялся невообразимый гвалтъ. Даже нѣкоторые изъ сопровождавшихъ отрядъ солидныхъ и почтенныхъ старшинъ, увлекшись общимъ неистовымъ настроеніемъ, приняли участіе въ общей свалкѣ....

Отличившіеся ловкостью награждены были халатами, вызвавшими не мало зависти со стороны оплошавшихъ. На слѣдующій день была устроена скачка.

Участвующихъ въ „байгѣ" отослали верстъ за 6 отъ лагеря. Ѣздоками оказались въ большинствѣ случаевъ мальчуганы отъ 9 до 15 лѣтъ. Завидѣвъ скачущихъ, владѣльцы лошадей отправились имъ на встрѣчу и, сопровождая къ цѣли, усердно поощряли рябятишекъ ободрительными криками. Откормившіяся на алайской травѣ лошаденки, хотя и неотличались своими статями, но оказались тѣмъ не менѣе весьма сносными скакунами и отмахали 6-ти верстное разстояніе чуть-ли не въ 10 минутъ.

Лучшіе призы выпали на долю лошадей, принадлежавшихъ колѣну джапалаковъ изъ рода адыгинъ. Эти джапалаки, что значитъ ястребятники, не даромъ должно быть заслужили свое прозвище. Отличаясь, преимущественно предъ другими колѣнами, вороватостью, они не мало доставляютъ хлопотъ ошской администраціи, которой приходится разбирать поступающія на нихъ со всѣхъ сторонъ жалобы. Въ воровскихъ набѣгахъ на сосѣдей ястребятники пользуются быстротою своихъ старательно выхоженныхъ лошадей и безнаказанно уходятъ съ чужимъ добромъ. Въ случаяхъ же настойчиваго преслѣдованія со стороны потерпѣвшаго джапалакъ не задумывается пробраться на ту сторону Заалайскихъ горъ,—туда, къ берегамъ Каракуля. Тамъ чувствуетъ онъ себя въ безопасности.

Нагорная площадь Памировъ въ глазахъ ферганo-алайскаго каракиргиза окружена еще и до нынѣ какою-то завѣсой таинственности. „Тамъ люди задыхаются ночью отъ недостатка воздуха. Тамъ женщина

рождаетъ всегда несчастливо и если сама остается въ живыхъ, то теряетъ навѣрное плодъ“. Такіе отзывы приходилось мнѣ слышать неоднократно; они, конечно, имѣютъ за собою нѣкоторое основаніе: разрѣженность воздуха на высотѣ Памирскихъ долинъ, если принять за среднюю высоту ихъ 10 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря, падаетъ ниже $^2/_3$ атмосфернаго давленія. Неудивительно, что при этомъ родовой актъ сопровождается угрожающими жизни кровотеченіями и даже газовыми эмболіями. Поэтому нерѣдко беременная женщина, во избѣжаніе неблагопріятнаго исхода родовъ, заблаговременно спускается съ Памирскаго плоскогорья или въ китайскія владѣнія, или въ нашъ Гульчинскій раіонъ и тамъ разрѣшается.

Наше шествіе по Алаю совершалось довольно медленно; на второй или третій день марша мы дѣлали дневки. Такая медленность имѣла свои причины. Каждый изъ насъ ихъ зналъ, но о нихъ не говорилось открыто. Взоры многихъ изъ насъ неволь-

но обращались въ сторону Заалайскихъ горъ, и всѣ мы, за исключеніемъ, быть можетъ, одного мистера Элліота, съ нетерпѣніемъ ждали извѣстія оттуда, изъ-за этой снѣжной безмолвной въ своемъ величіи стѣны, скрывавшей отъ насъ таинственную страну Памировъ.

VI

Памиры.—Ихъ изслѣдователи.—Отношенія Англіи къ Памирамъ и ея политика въ сопредѣльныхъ странахъ.—Англійскіе путешественники на Памирахъ.

Со времени посѣщенія нагорной Памирской площади лейтенантомъ Вудомъ, посланнымъ туда Борнсомъ въ 1837 году, страна заинтересовала ученый міръ, какъ высочайшая часть азіатскаго материка, служащая соединительнымъ узломъ между системами Тянь-Шаня и Гималаемъ и являющаяся въ то-же время колыбелью арійскаго племени. Въ 1871 году Федченко посѣ-

тилъ ее, проникнувъ со стороны Алая, а три года спустя членамъ извѣстной кашгарской экспедиціи Форсайта удалось ознакомиться со страной со стороны восточныхъ ея границъ. Но безпрепятственное и детальное изученіе страны стало возможнымъ лишь съ 1876 года, когда возстаніе алайскихъ киргизовъ вызвало преслѣдованіе ихъ до береговъ Каракуля и когда, по усмиреніи мятежа, Памиры, какъ, часть Кокандскаго ханства, вошли въ составъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Съ этого времени русскіе путешественники (Костенко, Бонсдорфъ, Ошанинъ, Сѣверцевъ, Ивановъ, Путята, братья Грумъ-Гржимайло, Громбчевскій) одинъ за другимъ посвящали свои труды изслѣдованію знаменитой „крыши міра“, и въ настоящее время страна изслѣдована во всѣхъ направленіяхъ. Въ 1882 году горный инженеръ Д. Ивановъ и капитанъ Путята доходили до сѣверныхъ склоновъ Гиндукуша и въ своихъ обстоятельныхъ изысканіяхъ страны, пройденной ими вдоль и поперекъ, болѣе другихъ со-

дѣйствовали расширенію нашихъ свѣдѣній о Памирахъ. Въ эту экспедицію опредѣлено было значительное число астрономическихъ пунктовъ; изслѣдовано нѣсколько важныхъ переваловъ. Особенно потрудился въ этомъ отношеніи топографъ г. Бендерскій. Позже г. Громбчевскому, благодаря его прекрасному знанію туземныхъ нарѣчій и умѣнью приноравливаться къ мѣстнымъ обычаямъ и характеру населенія, удалось ознакомиться со многими сторонами жизни южныхъ памирскихъ ханствъ и выяснить ихъ современное политическое положеніе.

Оказалось, что Англія отнеслась къ изысканіямъ русскихъ путешественниковъ не со стороны ихъ научнаго интереса, а съ точки зрѣнія своего обычнаго страха за цѣлость Индіи. Имѣя всегда въ виду нашу близость къ ихъ азіатскимъ владѣніямъ, англичане пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ обезпечить индійскія границы со стороны Туркестана. Частью присоединеніемъ областей, частью установленіемъ протектората, частью подстрекательствомъ за

денежное вознагражденіе и всегда тщательнымъ изученіемъ топографіи земель, сосѣднихъ съ нашими азіатскими владѣніями,— Англія успѣла въ дѣлѣ осуществленія своихъ оборонительныхъ плановъ достигнуть въ послѣднее время весьма существенныхъ результатовъ.

Опасенія за Индію со стороны Россіи стали тревожить Англію еще съ 1830 г., и съ того же времени опредѣлились и средства для борьбы, при помощи которыхъ Великобританія поддерживаетъ свой престижъ въ Азіи. Первою мѣрою, расчитанною на то, чтобы помѣшать успѣху и безъ того неудачнаго похода, предпринятаго Перовскимъ, была посылка агентовъ въ Хиву и Бухару съ цѣлью побудить ханства къ образованію коалиціи противъ Россіи. Извѣстно, насколько миссія этихъ агентовъ—подстрекателей была неудачна, закончившись трагическою гибелью Стоддарта и Конолли и позорнымъ изгнаніемъ Аббота и Шекспира. Тогда же, въ 1839 г., Англія предприняла экспедицію въ Авганистáнъ,

блистательно начатую занятіемъ Кандагара, Кабула и Газни, но кончившуюся ужаснымъ истребленіемъ остатковъ арміи въ Хайберскомъ проходѣ. 14 лѣтъ спустя Англія повторила попытку создать противъ Россіи коалицію средне-азіатскихъ ханствъ, при чемъ не побрезгала воспользоваться религіознымъ фанатизмомъ мусульманъ, внушая имъ необходимость дружнымъ союзомъ ханствъ создать для Россіи сильнаго врага на Сыръ-дарьѣ, который могъ бы постоять за свою вѣру и святыню. Отвѣтомъ на этотъ дипломатическій шагъ послужило со стороны Россіи занятіе въ томъ-же 1853 году Акъ-Мечети.—Съ тѣхъ поръ Англія утрачиваетъ свое значеніе въ ханствахъ Бухары, Хивы и Коканда, которыя съ дальнѣйшимъ движеніемъ нашимъ въ глубь Средней Азіи постепенно и уже безповоротно подчиняются вліянію Россіи.

Въ средне-азіатской политикѣ Англіи, сознавшей безсиліе дипломатіи задержать естественный ходъ событій, замѣчается нѣкоторая диверсія. Сфера политическаго вни-

манія отодвигается къ югу, сосредоточиваясь на кашгаро-авганской линіи. Сѣверо-западный уголъ Индіи покрывается цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, горные проходы укрѣпляются, Авганистанъ снабжается оружіемъ и инструкторами, эмиръ Ширъ-Али-ханъ покупается за 800.000 рублей ежегодной субсидіи. Со стороны Кашгаріи завязываются сношенія съ Якубъ-бекомъ, къ которому является знаменитая экспедиція Форсайта; часть ея, а именно Троттеръ и Гордонъ, рекогносцируютъ Памиры и сосѣдніе съ ними независимыя ханства.

Къ этому же времени въ англійской дипломатіи опредѣляется сознаніе необходимости создать между Индіей и средне-азіатскими владѣніями Россіи нейтральную зону, которая служила бы буферомъ между обоими сосѣдями. Въ началѣ 1869 г., когда лордъ Кларендонъ предложилъ осуществить эту мысль, Россія выразила свое согласіе съ тѣмъ однако, чтобы въ раіонъ нейтральной полосы вошелъ Авганистанъ. Но кабульскій эмиръ получалъ уже въ то

время англійское жалованье, и Англія не могла отказаться отъ своего вмѣшательства въ Авганскія дѣла. Переговоры тянулись слишкомъ три года и не приводили къ окончательному соглашенію. Принципіально вопросъ о разграниченіи сферъ вліянія обѣихъ державъ былъ рѣшенъ: Келатъ и Авганистанъ остались подъ вліяніемъ Англіи. Бухара и Кокандъ подъ вліяніемъ Россіи, но точныхъ границъ проведено не было, и предложенная Форсайтомъ пограничная линія, которая должна была составлять сѣверные предѣлы Авганистана, оставляла Памиры внѣ пограничной черты. Эта линія шла отъ озера Сары-куля на Большомъ Памирѣ по рѣчкѣ Кокча до впаденія ея въ Аму-дарью и далѣе до поста Ходжа-Салёхъ на лѣвомъ берегу Аму-дарьи, оставляя въ сторонѣ долины Аксу-Мургаба и Аличура, составляющія часть Памирскаго нагорья. Граница эта захватывала въ предѣлы Авганистана Ваханскій округъ, въ сущности никогда Авганистану не принадлежавшій. Россія тѣмъ не менѣе готова была согла-

ситься на эти условія, такъ какъ они предоставляли въ то время свободу дѣйствія по отношенію къ странѣ текинцевъ и Мерву. Но когда, на запросъ въ парламентѣ, какъ далеко простирается обязательство Англіи поддерживать миръ между Россіей и Авганистаномъ, и должна-ли Англія прибѣгать къ оружію, чтобы удерживать эмира въ мирѣ съ сосѣдями, Гладстонъ отвѣтилъ, что государство такой отвѣтственности на себя не беретъ и можетъ ограничиваться одними лишь дружественными увѣщаніями, русское правительство усмотрѣло въ этомъ отвѣтѣ отказъ привести проектъ въ исполненіе. Россія не могла поручиться за неприкосновенность авганскихъ предѣловъ, коль скоро Англія съ своей стороны не гарантировала спокойствія въ Авганистанѣ и обузданія его аггрессивныхъ поползновеній.

Въ виду такой неопредѣленности взаимнаго положенія Великобританіи и Россіи въ Средней Азіи, обѣ державы продолжали свое поступательное движеніе. Со стороны

Россіи послѣдовало занятіе сначала Хивы, за нею обширной территоріи Кокандскаго ханства и полное подчиненіе Бухары. Англія въ это время закрѣпляла за собой власть надъ полунезависимыми государствами Сѣверной Индіи, заняла Келатъ съ Кветтою, подчинила себѣ Авганистанъ. Роковая встрѣча обѣихъ державъ казалась неминуемой и только берлинскій конгрессъ помѣшалъ этому столкновенію. Чтобы поддержать свой упадавшій авторитетъ въ Азіи, еще болѣе подорванный неудачной борьбою 78—79 г. съ наиболѣе воинственнымъ изъ своихъ вассальныхъ государствъ, Англія, напрягши всѣ силы, какими могла располагать въ Индіи, рѣшилась дать почувствовать свое могущество авганцамъ и въ 1879 году за избіеніе миссіи въ Кабулѣ двинулась снова въ глубь Авганистана и въ эту войну окончательно усмирила непокорное государство. Однако боязнь непосредственнаго сосѣдства съ Россіей заставила Англію оставить эмиру нѣкоторую тѣнь самостоятельности, прикрываясь которой, она

за спиною Авганистана могла бы продолжать свое систематическое противодѣйствіе русскимъ интерессамъ въ Азіи.

Обезпечивъ себя до извѣстной степени со стороны западныхъ путей, соединяющихъ русскую границу съ Индіей, Англія посвятила свое вниманіе остальнымъ группамъ дорогъ, ведущихъ изъ русскихъ предѣловъ въ индійскія владѣнія, а именно къ Ладаку на востокѣ и къ Гильгиту въ центрѣ. Центральная группа путей лежитъ чрезъ Памиры и, начинаясь съ долины Алая и направляясь на города Нагаръ и Гильгитъ, идетъ къ Сринагару. Россія мало обращала вниманія на лежащія по этому пути страны, не видя для себя выгоды содержать на малолюдныхъ, но обширныхъ пространствахъ Памирскихъ долинъ стоющую во всякомъ случаѣ денежныхъ средствъ и хлопотъ администрацію. Тѣмъ не менѣе памирскіе киргизы, которыхъ насчитывается не менѣе 30 тысячъ кибитокъ, за исключеніемъ десятой части, состоящей въ китайскомъ подданствѣ, подчинены Россіи. Этого подчи-

ненія не отрицали даже и члены форсайтовой экспедиціи, ознакомившіеся съ населеніемъ довольно близко.

Между тѣмъ Англія, зорко слѣдя за всѣми движеніями русскихъ по направленію къ Индіи, хотя бы то были невинныя экскурсіи научнаго характера, совершенно неимѣющія политической подкладки, не упускала случая усилить свое вліяніе въ полунезависимыхъ припамирскихъ ханствахъ. Загораживая ими свои индійскія владѣнія, она создала въ настоящее время длинную полосу подвластныхъ ей земель, снабдивъ ихъ на случай русскаго вторженія значительными средствами обороны. Авганистанъ послужилъ для Англіи въ этомъ случаѣ весьма удобнымъ щитомъ, подъ прикрытіемъ котораго она овладѣла Вахаиомъ, Шугнаномъ и Рошаномъ. Первое изъ этихъ ханствъ Англія навязывала авганцамъ еще въ 1873 г. при попыткѣ лорда Кларендона опредѣлить русско-авганскія границы. 10 лѣтъ спустя, авганцы захватили для Англіи Шугнанъ и Рошанъ въ расчетѣ, что эти

ханства, лежащія на сѣверныхъ склонахъ Гиндукуша и владѣющія сѣверными проходами, должны составить передовую линію обороны со стороны Памировъ. Россія ко всѣмъ этимъ захватамъ относилась настолько равнодушно, что не сочла даже возможнымъ удовлетворить въ 1884 году просьбу шугнанцевъ, явившихся въ Маргеланъ за защитою и покровительствомъ. Поощряемая нашимъ бездѣйствіемъ на памирской линіи Англія выдвигала свою передовую линію все далѣе, стараясь сомкнуть ее у китайскихъ границъ. Эта задача окончательно выполнена въ недавнее время присоединеніемъ къ сферѣ англійскаго вліянія независимаго Канжутскаго ханства.

Историческая сторона этого маневра, извѣстнаго подъ именемъ „гильгитскихъ дѣлъ", можетъ служить хорошею иллюстраціей англійской политики по отношенію къ полунезависимымъ ханствамъ Сѣверной Индіи. Они-то, эти гильгитскія дѣла, и вынудили главнымъ образомъ русское правительство громко заявить свои права на Памиры.

Долина рѣки Гильгитъ занимаетъ самый сѣверный уголъ вассальныхъ владѣній Индіи. Она составляетъ оплотъ Кашмира противъ разбойничьихъ набѣговъ гиндукушскихъ горцевъ, какъ-то: чиласовъ, ясинъ, нагара и др. Кашмирскіе раджи овладѣли этой долиной сравнительно въ недавнее время и по слабости своей, конечно, не могли держать въ надлежащемъ повиновеніи непризнававшихъ надъ собой никакой власти разбойниковъ. Притомъ-же гарнизонъ, посланный въ Гильгитъ, благодаря дальности разстоянія отъ Сринагара, ужаснымъ путямъ сообщенія и главнымъ образомъ корыстолюбію кашмирскихъ чиновниковъ, содержался настолько плохо, что люди зимою оставались нерѣдко безъ теплой одежды и на урѣзанномъ до крайности пайкѣ. Голодные и холодные кашмирскіе сипаи конечно не могли справиться съ свободолюбивыми до отчаянія горцами. Англичане не упустили случая воспользоваться положеніемъ вещей и взяли Гильгитскій округъ въ свое непосредственное наблюденіе. Съ 1890 года

гильгитская дорога перешла въ вѣдѣніе англійскихъ инженеровъ, и въ то время, какъ отрядъ полковника Іонова ходилъ по Памирамъ, по ту сторону Гиндукуша давно уже стучала кирка г.г. Спедингова и К°, сооружавшихъ къ лѣту 1891 г. не менѣе 160 англійскихъ миль новаго удобнаго пути между Сринагаромъ и Гильгитомъ, а кстати и по направленію отъ Гильгита къ Гунзѣ и Нагару. Одновременно съ инженерными работами дѣйствовала и англійская винтовка. Сначала Дюрандъ (тогда еще подполковникъ) преобразовалъ гильгитскій гарнизонъ; онъ выбралъ изъ многочисленнаго, но жалкаго кашмирскаго войска лучшихъ солдатъ, перевелъ ихъ на имперскую службу, озаботившись правильнымъ снабженіемъ ихъ провіантомъ и аммуниціей; англійскіе офицеры быстро дисциплинировали ихъ, какъ только они и умѣютъ, и въ 1891 году полковникъ Дюрандъ могъ уже съ большею увѣренностью вести военныя дѣйствія противъ Канджута.

И всякое систематическое движеніе этого

рода совершается у англичанъ съ неподражаемымъ политическимъ тактомъ. Прикрываясь доброжелательствомъ и миролюбіемъ, Англія сначала даетъ совѣты, посредничаетъ, помогаетъ, затѣмъ вступаетъ въ роль покровителя и только впослѣдствіи объявляетъ себя властительницей. Все дѣлается безъ шума и тревоги. Такъ дѣйствовала Англія по отношенію къ раджамъ и набобамъ Индіи, такъ поступаетъ и въ настоящее время съ азіатскими народностями своихъ сѣверныхъ границъ.

Намъ привелось слышать отъ г. Громбчевскаго слѣдующую поучительную исторію занятія англичанами китайской крѣпостцы, рельефно рисующую англійскую политику въ Азіи. Привожу разсказъ его вкратцѣ.

Дѣло происходило еще до присоединенія Канджута. Весною 1888 года канжутская разбойничья шайка, снаряженная самимъ ханомъ, послѣ неудачнаго набѣга на торговый караванъ, остановившійся вблизи китайскаго укрѣпленія Шахидулла-ходжи, ограбила стоявшій въ сторонѣ киргизскій

аулъ, причемъ захватила въ плѣнъ 21 человѣка и забрала до 1000 головъ скота. Родственники плѣнныхъ обратились къ китайскимъ властямъ въ Кашгаріи, прося если не вознагражденія за убытки, то по крайней мѣрѣ освобожденія плѣнныхъ. Китайскій губернаторъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Тогда киргизы направились къ канжутскому хану. Сафдеръ-Али согласился выдать людей за выкупъ по ямбѣ за человѣка, что составляло суму въ $2^1/_2$ тысячи рублей. Киргизы внесли выкупъ и плѣнные возвратились. Провѣдалъ обо всемъ этомъ англійскій комисаръ въ Ладакѣ и посовѣтовалъ киргизамъ вторично обратиться къ Кашгаръ съ просьбою о вознагражденіи за убытки, а въ случаѣ отказа со стороны китайскихъ властей, заявить жалобу ему, комисару. Киргизы опять направились въ Яркендъ и опять получили отказъ. Тогда истцы обратились къ англійскому комисару и тотъ не пожалѣлъ для нихъ довольно щедраго вознагражденія. Но остъ-индское правительство даромъ денегъ не тра-

титъ. Оно обратилось въ Пекинъ, требуя возвратить выданную сумму и обуздать на будущее время подвластный Китаю Канжутъ и прекратить грабежи, вредно отзывающіеся на торговыхъ интересахъ Англіи. Изъ Пекина послѣдовалъ запросъ кашгарскому дао-таю, съ предложеніемъ въ случаѣ, если жалоба правильна, удовлетворить ее (какъ водится, разумѣется) изъ средствъ дао-тая. Конечно, послѣдній изъ нежеланія платить отвѣчалъ въ Пекинъ, что хотя жалоба киргизовъ и справедлива, но онъ, губернаторъ, удовлетворить потерпѣвшихъ не можетъ, потому что грабежъ произведенъ въ округѣ ему, дао-таю, неподвластномъ. Этотъ отвѣтъ препровожденъ былъ Пекинскимъ правительствомъ въ Калькутту. Индійское правительство того только и ждало. Оно тотчасъ снарядило экспедицію подъ начальствомъ знатока этого рода дѣлъ капитана Юнгесбэнда, которому и поручило занятіе Шахидулла-ходжи съ прилежащими мѣстностями, отъ которыхъ-де отказываются китайцы.

Правда, на этотъ разъ англичане не очень долго владѣли новымъ своимъ пріобрѣтеніемъ: китайскія власти воспретили ввозъ съѣстныхъ припасовъ въ занятый англичанами раіонъ и пикету угрожала бы голодная смерть, еслибы, кашмирскій гарнизонъ не удалился своевременно во-свояси, но самое занятіе Шахидулла-ходжи достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ умѣніи англичанъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для пріобрѣтенія новой позиціи въ Средней Азіи.

Въ данномъ случаѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что предъявляя претензіи къ китайскому правительству за дѣйствія Канжута, Англія въ то же время хлопочетъ о подчиненіи этого разбойничьяго гнѣзда своему вліянію, и, ко времени полученія отвѣта изъ Пекина, уже держала Сефдеръ-Али-хана у себя на жалованьи. Выходитъ, что Англія выражаетъ свое неудовольствіе пекинскому правительству за то, что послѣднее слабо наблюдаетъ за ханствомъ, находящимся подъ по-

кровительствомъ англичанъ, и для прекращенія грабежей на чужой территоріи отбираетъ эту территорію въ свою пользу.

По отношенію къ западнымъ Памирамъ Англія дѣйствовала въ духѣ той-же политики; но, не желая считаться съ русскимъ правительствомъ, какъ она считалась съ китайскимъ, предпочла прикрыться Авганистаномъ, настаивая предъ нимъ на необходимости присоединенія сосѣднихъ независимыхъ ханствъ. И если Россія угрожаетъ дать отпоръ авганскимъ захватамъ, остъиндское правительство заявляетъ свои права на государство, находящееся подъ его покровительствомъ. Когда же русское правительство выражаетъ англійскому кабинету свое неудовольствіе по поводу аггрессивныхъ попытокъ авганцевъ, послѣдній ссылается на безсиліе сдержать воинственнаго вассала. При всемъ томъ, не вѣря въ силы Авганистана, Англія предпочитаетъ, гдѣ только можно, водворять свое непосредственное вліяніе, не прибѣгая къ помощи кабульскаго эмира, и тогда у нея является до-

статочно средствъ, чтобы обуздать не въ мѣру претендующихъ авганцевъ. Такъ аксуйскіе киргизы и выходцы изъ Вахана передавали г. Громбчевскому, что эмиръ Абдурахманъ, подъ предлогомъ наказать правителя Чатрара за пріютъ, оказанный имъ своему родственнику, бывшему правителю Вахана, открылъ военныя дѣйствія противъ Чатрара. Чатрарцы обратились за помощью къ англичанамъ, но получили отказъ. Тогда они рѣшились допустить въ предѣлы страны англійскія войска; англичане быстро возвели укрѣпленіе, заняли его 400 человѣкъ гарнизона, а Абдурахманъ-хану посовѣтовали обратить свой отрядъ на Кафиристанъ.

Памиры стали привлекать на себя вниманіе Англіи приблизительно со времени посѣщенія ихъ русскими путешественниками. Если не считать лейтенанта Вуда, посланнаго Борнсомъ и посѣтившаго Памиры еще въ 1837 году, первая англійская экспедиція, обстоятельно ознакомившаяся съ восточною частью Памирскаго плоскогорья,

относится къ 1874 г., когда Форсайтъ, отправленный Остъ-индскимъ правительствомъ къ Якубъ-беку Кашгарскому, откомандировалъ на Памиры Троттера, Гордона и Столичку. Экспедиція въ числѣ 41 человѣка весною 1874 г. выѣхала изъ Янги-Гисара въ Сариколь. Изъ Ташъ-кургана англичане отправились въ юго-западномъ направленіи и, перейдя перевалъ Найзаташъ, спустились въ долину Акъ-ташъ (Акъ-су); по ея верховьямъ, оставляя вправо отъ себя Малый Памиръ, достигли оз. Газъ или Ой и Мало-Памирскаго (Чакмактанъ-куль). Отсюда по Ваханъ-дарьѣ черезъ Лянгардъ и Сархадъ прибыли въ столицу Вахана, Кала—и—Пянджъ. Обратный путь экспедиція выбрала на озеро Большаго Памира, неправильно называемое Сары-куль, и на Ташъ-Курганъ, оставивъ въ сторонѣ долину Аличура и довольствуясь только распросами о ней мѣстныхъ кочевниковъ.

Приблизительно съ 1878 г. Англія въ виду демонстративнаго движенія русскихъ войскъ къ Джаму и появленія небольшаго

отряда ферганскихъ войскъ на Алаѣ сильно стала тревожиться за памирскую дорогу на Кашмиръ. Южные проходы Гиндукуша шагъ за шагомъ приведены были въ оборонительное положеніе. Не довольствуясь занятіемъ Бадахшана съ прилегающимъ къ нему Ваханскимъ округомъ, авганцы, по настоянію англичанъ, присоединили въ 1883 году два западно-памирскія ханства, Шугнанъ и Рошанъ. Въ 1885 году Авганцы поддерживали волненія, охватившія часть Ферганской области, и одушевляли главу возстанія, Дервишъ-хана, денежною помощью. При содѣйствіи памирскихъ киргизовъ губернаторъ Шугнана создалъ весьма сложную и обширную систему наблюденій за каждымъ шагомъ русскихъ внѣ предѣловъ Ферганы. Авганскіе торговцы, проживающіе въ Ферганской области, должны были доставлять подробныя свѣдѣнія о передвиженіи войскъ и правительственныхъ распоряженіяхъ. Наконецъ, ханства, прилегающія къ Памиру съ юга, Чатраръ, Ясинъ и въ самое последнее время Канжутъ подпали подъ ан-

глійское вліяніе. Экспедиціи на Памиръ участились. Өсобенною смѣлостью отличалась рекогносцировка Ладакскаго коммисара Эліаса, который, по свидѣтельству подполковника Громбчевскаго, достигалъ со своимъ отрядомъ озера Рангъ-куля и, судя по показаніямъ мѣстныхъ киргизовъ, расчитывалъ проникнуть до Кара-куля и даже Алая. Подъ различными предлогами Памиры стали посѣщаться англичанами и со стороны Ферганы. Нынѣшнимъ лѣтомъ проѣхало этой дорогою нѣсколько путешественниковъ. Нѣкто м-ръ Пичъ, останавливавшійся на нѣсколько дней въ Ташкентѣ, гдѣ его длинную фигуру можно было встрѣтить во всѣхъ домахъ мѣстнаго high life, не считалъ нужнымъ найти другого объясненія своей поѣздкѣ на Памиръ, какъ недостатокъ средствъ проводить вакаціонное время у себя на родинѣ съ тою респектабельностью, какая приличествуетъ истинному джентльмену. Вмѣсто того, чтобы проводить лѣто въ имѣніи и созывать гостей для охоты, расчетливый англичанинъ пред-

почелъ, по его словамъ, маленькую partie de plaisir на Памиры и въ Кашмиръ, гдѣ, по его соображеніямъ, охота интереснѣе и расходы меньше.

Впослѣдствіи оказалось, что м-ръ Пичъ, лейтенантъ 3-го полка мадрасской легкой кавалеріи, какъ выдержавшій установленный экзаменъ по русскому языку, командированъ былъ изъ Лондона къ мѣсту служенія сухимъ путемъ чрезъ наши средне-азіатскія владѣнія. Цѣль этого далекаго путешествія заключалась въ томъ, чтобы собрать свѣдѣнія о мѣрахъ, предпринятыхъ мѣстными русскими властями противъ пребыванія капитана Юнгусбэнда на Памирахъ, и ознакомиться съ настроеніемъ и мнѣніями русскаго общества по этому предмету. Самъ лейтенантъ Пичъ, благополучно вернувшійся въ Индію, вопреки разнесшимся между нами слухамъ о насильственной смерти въ Кашгаріи, засвидѣтельствовалъ впослѣдствіи о нашемъ россійскомъ простодушіи. Въ его донесеніи отмѣченъ тотъ съ англійской точки зрѣнія весьма странный

фактъ, что за все время его путешествія по нашей территоріи ему не задавали никакихъ щекотливыхъ вопросовъ и не ставили на его пути никакихъ препятствій.

VII

Наши ожиданія.—Трехрублевая экспедиція Каргана.—Извѣстія о памирскомъ отрядѣ Іонова.—Инцидентъ съ кап. Юнгусбэндомъ.—М-ръ Эліотъ.—Даряутъ-Курганъ.

Шестнадцатаго августа мы прибыли на урочище, носящее названіе Гурь-гурь, и расположились на берегу рѣчки Кашка-су. Неизвѣстность относительно Памирскаго отряда и продолжительное отсутствіе посланнаго на его розыски офицера не могли не озабочивать Командующаго войсками. Маршрутъ пришлось измѣнить: мы дѣлали незначительные переходы, не зная напередъ, гдѣ и надолго-ли остано-

вимся, и общее настроеніе за послѣднее время казалось нѣсколько омрачившимся. Но вотъ во время обѣда, начавшагося довольно вяло, со стороны Кызылъ-Артскаго перевала показался всадникъ, быстро направлявшійся къ нашему лагерю. На этотъ разъ общее ожиданіе не было обмануто: то возвращался хорунжій Каргинъ, посланный еще изъ Иркештама разыскать отрядъ полковника Іонова и везшій теперь подробныя донесенія о Памирской экспедиціи. Извѣстія, сообщенныя офицеромъ, оказались утѣшительными и всѣ мы разомъ повеселѣли.

Хорунжій въ сопровожденіи казака и проводника изъ киргизовъ выступилъ изъ Иркештама 8 августа. 11-го числа онъ встрѣтилъ полковника Іонова, по возвращеніи его съ Гиндукуша, въ долинѣ Аличура, гдѣ оставалась пѣшая часть отряда, провелъ здѣсь полтора дня въ ожиданіи изготовленія подробныхъ донесеній начальникомъ отряда и пустился въ обратный путь, совершивъ въ общемъ переходѣ въ 850 верстъ и нагнавъ насъ на 9-й день.

Приходилось ему и вязнуть въ снѣгахъ и скользить по обледенѣлымъ камнямъ, ѣхать подъ лучами палящаго солнца и подъ струями проливного дождя; иногда не было времени выкормить коней, а еще чаще не было для нихъ корма. Лошадь подъ сопровождавшимъ хорунжаго казакомъ отказалась идти и оставлена была у перевала; киргизъ-проводникъ весь изнемогъ отъ поощреній своей заморенной лошаденки, напрягавшей послѣднія усилія добраться до лагеря. Самъ же хорунжій, не ѣвши послѣдніе два дня ничего, кромѣ куска черстваго хлѣба, и сдѣлавши въ день возвращенія не менѣе 90 верстъ, сохранилъ такой еще запасъ бодрости и веселья, что до глубокаго вечера забавлялъ насъ своимъ безъискуственнымъ, но полнымъ юмора разсказомъ о путешествіи.

— Во что же обошлась вамъ ваша поѣздка?— спросилъ Командующій войсками Каргина, вспомнивъ, можетъ быть, что на экспедицію хорунжаго не было отпущено никакого пособія.

— „Около трехъ рублей, ваше превосходительство“, отвѣчалъ офицеръ самымъ серьезнымъ тономъ: „за одного барана пришлось отдать два рубля“—и въ отвѣтѣ его слышно было такое огорченіе по поводу дороговизны этого барана, что мы не могли удержаться отъ дружнаго смѣха.

На обратномъ пути ему пришлось довольствоваться только хлѣбомъ, такъ какъ нерасчетливая экспедиція израсходовала въ передній конецъ всю свою трехрублевую сумму.

Весь этотъ вечеръ въ нашемъ маленькомъ лагерѣ замѣтно было необычное движеніе. Командующій войсками, получивъ подробныя донесенія отъ полковника Іонова, занялся у себя въ помѣщеніи. Немногіе посвященные въ политику, озабоченные и дѣловитые, то и дѣло входили и выходили изъ генеральской юрты съ какими-то бумагами и свертками. Печать таинственности на ихъ лицахъ подстрекала любопытство остальныхъ, но и обезкураживала ихъ своею непроницаемостью.

Тѣмъ не менѣе въ тотъ же день о памирскомъ отрядѣ передавались слѣдующія подробности. Съ Аличура, гдѣ оставалась пѣшая часть отряда, полковникъ Іоновъ съ казаками направился черезъ перевалъ Хоргошъ, по рѣчкѣ того же названія, къ ваханскому пикету на Ваханъ-дарьѣ. Отсюда внизъ по Вахану, не доходя до афганскаго форта Сархадъ, направился на перевалъ Ходжай-Гульдъ и Барогильскій, откуда и спустился къ р. Ясину. Повернувъ назадъ мимо Сархада, экспедиція замѣтила, что появленіемъ своимъ съ юга, со стороны Индіи, вызвала въ гарнизонѣ упомянутой афганской крѣпостцы страшный переполохъ. Хорунжій Каргинъ, передавая этотъ случай, слышанный имъ отъ очевидцевъ, съ большимъ юморомъ разсказалъ, какъ выставленная афганцами цѣпь, которая должна была задержать русскій отрядъ, при видѣ нашихъ казаковъ, численностью не превышавшихъ 20-ти человѣкъ, „быстро поразмыкалась по балкамъ“, оставивъ коменданта форта въ безпомощномъ одино-

чествѣ. Тотъ, видя себя покинутымъ своимъ трусливымъ гарнизономъ и не замѣчая со стороны русскихъ никакихъ воинственныхъ намѣреній, рѣшился просить начальника отряда въ крѣпостцу не заходить и крѣпостныхъ верковъ не разглядывать, на что и получилъ, разумѣется, согласіе. Какъ застигнутая врасплохъ восточная красавица отворачиваетъ лицо отъ встрѣтившагося ей кяфира, шелъ нашъ отрядъ мимо Сархада, отворачиваясь отъ крѣпостцы для успокоенія совѣсти сархадскаго коменданта.

Поднявшись отъ Сархада по Ваханъ-дарьѣ къ Бозай-и-Гумбазу, гдѣ оставлено было 10 казаковъ для охраненія запасовъ, полковникъ Іоновъ засталъ здѣсь капитана индійской арміи Юнгусбэнда. Капитанъ Юнгусбэндъ составилъ себѣ имя энергичнаго путешественника. Еще въ чинѣ поручика онъ совершилъ весьма серьезную экспедицію. Въ мартѣ 1886 г. по предложенію Джемса оба путешественника выступили изъ Калькутты черезъ Пекинъ въ Ньючуанъ въ сѣверной Манджуріи. Затѣмъ, вернувшись

въ Пекинъ. Юнгусбэндъ отсюда уже въ сопровожденіи единственнаго спутника—слуги-китайца прошелъ черезъ Манджурію, обширную пустыню Гоби, черезъ ледники и проходы великаго Гималая въ Индію, сдѣлавъ въ общемъ до 7000 миль. На своемъ пути отъ Тибета до Индіи онъ близко ознакомился съ Китайскимъ Туркестаномъ; направляясь отъ Хами черезъ Турфанъ въ Кашгарію, онъ посѣтилъ Карашаръ, Курлу, Кучаръ, Аксу, Кашгаръ и Яркендъ. Изъ Яркенда черезъ Лехъ поднялся на Агилъ-Даванъ и наконецъ съ большими трудностями переваливъ Мустагскій хребетъ, прибылъ въ Равальпинди черезъ 7 мѣсяцевъ по отбытіи изъ Пекина. Впослѣдствіи его знакомство съ юго-западнымъ угломъ памирскихъ плоскогорій упрочилось странствованіемъ по Сарыколу и пребываніемъ въ 1890 году въ Канджутѣ, во главѣ миссіи, посланной Индійскимъ правительствомъ къ Канджутскому тзуму Сафдеръ-Али-хану.

Встрѣча русскаго офицера съ англійскимъ.

имѣла вполнѣ дружественный характеръ; радушный полковникъ, какъ хозяинъ данной мѣстности, оказалъ англійскому капитану широкое гостепріимство и пригласилъ отобѣдать. На вопросъ гостя, какія обстоятельства доставили ему, капитану Юнгусбэнду, удовольствіе встрѣтиться въ такихъ глухихъ дебряхъ съ полковникомъ русской службы, г. Іоновъ удовлетворилъ его любопытство, заявивъ, что объѣзжаетъ по приказанію начальства русскую пограничную линію и въ свою очередь еще болѣе удивленъ, встрѣчая на русской территоріи capitain'a kings dragon guards, неимѣющаго разрѣшенія русскаго правительства на пребываніе въ этихъ мѣстахъ. Англичанинъ отвѣчалъ, что ѣдетъ изъ Кашгара черезъ Ваханъ въ Индію, почему и не могъ миновать русскихъ владѣній.

— Я не намѣренъ злоупотреблять русскимъ гостепріимствомъ, прибавилъ онъ не безъ ироніи,— и вскорѣ оставлю русскіе предѣлы.

Однако полковникъ Іоновъ постарался

разъяснить капитану Юнгусбэнду, что срокъ пребыванія его на русской территоріи отнюдь не можетъ быть предоставленъ его собственному благоусмотрѣнію и что онъ, капитанъ Юнгусбэндъ, въ силу данныхъ полковнику Іонову предписаній, долженъ быть немедленно же препровожденъ къ китайской границѣ, но что, въ виду дальности разстоянія ея отъ Бозай-и-Гумбеза и трудности предстоящаго отряду пути на Аличуръ, полковникъ Іоновъ готовъ ограничиться письменнымъ заявленіемъ капитана Юнгусбэнда объ оставленіи русскихъ предѣловъ на другой же день. Англичанину ничего не оставалось, какъ только подчиниться требованію русскаго офицера, деликатно избѣгавшаго крайнихъ мѣръ. Въ заявленіи отъ 17 августа н. с., написанномъ на французскомъ языкѣ, сказано: „я, такой-то, обязуюсь завтра, 18 августа, перейти на китайскую территорію, согласно предписанія, даннаго полковнику Іонову русскимъ правительствомъ, и не возвращаться въ русскіе предѣлы чрезъ такіе-то не-

ревалы (здѣсь сдѣлано перечисленіе очень многихъ, едвали не двадцати переходныхъ пунктовъ), въ чемъ и даю это вынужденное удостовѣреніе". Маленькой оговоркой о вынужденности даваемаго заявленія удовлетворялось до извѣстной степени англійское самолюбіе, а, можетъ быть, и открывалась надежда нарушить обѣщаніе при первомъ же благопріятномъ случаѣ.

По удаленіи англійскаго офицера обратно въ предѣлы Кашгара, полковникъ Іоновъ направился изъ Бозай-и-Гумбеза къ сѣверу, расчитывая подойти къ озеру Сарыкуль по прямому направленію. Но отрядъ потерялъ напрасно время: препятствія, встрѣтившіяся на этомъ пути, оказались непреодолимыми. Пришлось повернуть назадъ и уже окольной дорогой черезъ перевалъ Бендерскаго добраться до Сарыкуля, а оттуда идти на Яшиль-куль, по близости котораго, на Аличурѣ, оставалась пѣшая часть отряда.

Здѣсь полковника Іонова ожидала новая встрѣча. У начальника китайскихъ потра-

ничныхъ пикетовъ, забравшихся по недоразумѣнію въ русскіе предѣлы, проживалъ какой-то англичанинъ, дѣятельно поддерживавшій сношенія съ Юнгусбэндомъ. Англичанинъ называлъ себя лейтенантомъ Дэвидсономъ, но цѣли своего пребыванія въ этихъ мѣстахъ не объяснилъ и разрѣшенія русскихъ властей не представилъ. Полковникъ Іоновъ, не видя возможности терять время и тратить силы своихъ людей на вторичное путешествіе къ китайскимъ границамъ для конвоированія англійскаго офицера, объявилъ Дэвидсону, что онъ, въ виду возвращенія отряда въ Маргеланъ, долженъ быть препровожденъ въ предѣлы Ферганской области.

Оставалось покончить недоразумѣніе съ китайскимъ джандариномъ. Полковникъ Іоновъ, придавъ своимъ требованіямъ внѣшній характеръ дружественной застольной бесѣды, объяснилъ китайскому чиновнику, что, согласно извѣстныхъ трактатовъ, Памиры составляютъ русскую территорію, и далъ ему понять необходимость немедленнаго сня-

тія пикетовъ и удаленія его вмѣстѣ съ отрядомъ изъ предѣловъ Памира. Китаецъ оказался довольно понятливъ и доступенъ убѣжденіямъ: онъ не возражалъ и вскорѣ выполнилъ требованіе. Такая податливость должна была сильно огорчить англійскаго офицера, который, считая себя гостемъ джандарина, до послѣдней минуты думалъ, что находится на китайской территоріи. Теперь онъ убѣдился, что и эта почва принятая имъ за китайскую, въ его двусмысленномъ положеніи теряется изъ подъ ногъ.

Итакъ знаменитый Юнгусбэндъ выпровожденъ въ Кашгаръ, китайцы прогнаны во-своляси и скоро даже представится случай увидѣть захваченнаго англичанина— вотъ событія, которыя весьма понятно сильно взволновали наше маленькое общество, вызвавъ въ немъ различныя предположенія и догадки относительно ихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Одни придавали новостямъ большую важность и сулили въ будущемъ значительныя осложненія въ нашихъ отно-

шеніяхъ къ Англіи. Наиболѣе легкомысленные изъ нихъ видѣли уже скорый и неизбѣжный походъ черезъ Памиры на Канджутъ и Гильгитъ и чуть-ли не на Симлу; игривое воображеніе нѣкоторыхъ намѣчало уже и размѣры отряда, составъ его офицеровъ, а тамъ, въ отдаленной, но заманчивой перспективѣ, рисовались, быть можетъ, отличія и награды. Другіе, не придавая значенія столь ничтожному по ихъ мнѣнію инциденту, сожалѣли главнымъ образомъ о томъ, что главный виновникъ всѣхъ этихъ столкновеній, Юнгусбэндъ, остался на свободѣ и можетъ тотчасъ же по уходѣ русскаго отряда съ Памира вернуться на нашу территорію и къ слѣдующей веснѣ укрѣпиться тамъ болѣе основательно. Опасенія послѣдняго рода оправдались, какъ извѣстно, скорѣе, чѣмъ можно было ожидать и уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о вооруженныхъ стычкахъ англичанъ съ канджутцами, результатомъ чего, разумѣется, должно явиться прочное водвореніе англи-

чанъ въ Канджутѣ. Готовясь къ окончательному занятію этого ханства полковникъ Дюрандъ, начальникъ англійскаго отряда, опасался повидимому помѣхи своему предпріятію со стороны русскихъ. Очевидно капитанъ Юнгусбэндъ, какъ хорошо ознакомившійся съ мѣстностью въ свои прежнія посѣщенія Памировъ, посланъ былъ съ товарищемъ исключительно для наблюденія за нашимъ движеніемъ на Ваханъ-дарьѣ. Такимъ образомъ сожалѣніе, что британскій капитанъ слишкомъ легко отдѣлался, имѣло отчасти свое оправданіе: г. Юнгусбендъ былъ въ этотъ разъ на Памирахъ не въ качествѣ путешественника....

Всѣ упомянутые выше споры и разговоры велись между нами шопотомъ и съ оглядкою. Всѣ по какому-то безмолвному соглашенію считали необходимымъ скрыть полученныя новости отъ находившагося между нами м-ра Эліота. Между тѣмъ скучающій англичанинъ, которому и вся-то поѣздка по Алаю едва ли представляла много интереса, какъ нарочно искалъ развлеченія

въ нашемъ обществѣ и охотно просиживалъ съ нами до глубокой ночи за болтовнею. Въ обыкновенное время, чтобы сократить длинные вечера на ночлегахъ, мы собирались вмѣстѣ, въ большинствѣ случаевъ въ юртѣ гостепріимнаго Б. Л. Громбчевскаго. Когда бы вы ни пришли къ нему, у радушнаго хозяина всегда найдется для васъ чашка чаю; вечеромъ онъ непремѣнно угостить васъ прекраснымъ шашлыкомъ, пловомъ или другимъ какимъ нибудь азіатскимъ блюдомъ. И если вообще вы питаете недовѣріе къ восточной кухнѣ, то, отвѣдавъ ея произведеній изъ рукъ проворныхъ джигитовъ Б. Л., скоро оставите свое предубѣжденіе. Мистеръ Эліотъ наравнѣ съ другими охотно посѣщалъ гостепріимную юрту. Здѣсь нерѣдко поднимались съ нимъ безконечные политическіе споры о вліяніи и значеніи Англіи и Россіи въ Средней Азіи. Частенько подзадоривали его, выставляя на видъ безсиліе Англіи держать въ повиновеніи двухсотмилліонную Индію, дразнили указаніемъ на добродушное спокой-

ствіе Россіи рядомъ съ жадными лихорадочными захватами Англіи, съ напускною серьезностью грозили ему нападеніемъ на Индію со стороны Алая, но флегматичнаго англичанина трудно было выбить изъ его позиціи. Съ видомъ полнѣйшаго безстрастія, съ неизмѣнной сигарой во рту, онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ хладнокровно парировалъ наши уколы, стойко выдерживая дипломатическое спокойствіе противъ нашихъ, подчасъ далеко недипломатическихъ вылазокъ. На этотъ разъ появленіе англичанина невольно сковывало наши уста. Оживленная бесѣда по поводу полученныхъ извѣстій тотчасъ же смолкала. Неловкое молчаніе нарушалось не раньше, чѣмъ какой нибудь находчивый собесѣдникъ обращалъ разговоръ на другую тему.

Съ Кашка-су, по долинѣ которой можно пробраться на Кичи-Алай, мы направились черезъ урочище Газъ къ Дараутъ-кургану. Дорога идетъ по волнистой мѣстности; изрѣдка начинаютъ попадаться запашки ячменя, а дальше и пшеницы; альпійская му-

рава постепенно уступаетъ мѣсто низкорослому черному ковылю, какимъ-то неизвѣстнымъ злакамъ; попадается кустарникъ, носящій у киргизовъ названіе „чеканды“ и идущій для подмѣшиванія въ нюхательный табакъ. На половинѣ дороги до Газа отъ алайскихъ предгорій подходитъ къ самому руслу Кызылъ-су довольно значительный отрогъ Джаманъ-Кирчинъ; мѣстами приходится спускаться къ рѣчному ложу и идти русломъ. Отъ ночлега на Газѣ остается одинъ переходъ до Дараута. Ночью, часа въ 4, ощущался на Газѣ довольно значительный подземный толчекъ. Проснувшись отъ этого удара, я вспомнилъ, что лежу не подъ тяжелымъ потолкомъ городскаго зданія, а подъ безопаснымъ тендюкомъ киргизской юрты, и только плотнѣе закутался въ одѣяло, безмятежно проспавъ остальную часть ночи.

Отъ Газа чаще попадается песокъ; мѣстами приходится встрѣчать солончаки съ кочками какого-то грубаго камыша, мѣстами клочки посѣвовъ, а тамъ, ближе къ

Дарауту, на островкахъ, образуемыхъ рѣкою, пошли заросли облѣпихи.

18 августа мы прибыли въ Дараутъ-курганъ. Въ этомъ мѣстѣ долина Алая значительно суживается, а чрезъ нѣсколько верстъ къ западу и совершенно замыкается ущельями Карамука. Въ верстахъ 40 отъ Дараута проходитъ наша граница съ Каратегинскимъ бекствомъ Бухарскаго ханства. Лѣтъ 20 назадъ Дараутъ-курганъ представлялъ собою кокандскую крѣпостцу съ довольно важнымъ стратегическимъ значеніемъ. Расположившись у самаго устья Дараутъ Исфайрамскаго ущелья и господствуя надъ долиною Туза, втекающаго въ Кызылъ-су съ противоположной стороны, укрѣпленьице это могло бы съ успѣхомъ оберегать перевалъ Тенгизъ-бай, какъ со стороны памиро-алайскихъ киргизовъ, такъ и со стороны Каратегина, но незадолго до занятія русскими Кокандскаго ханства Дараутъ-курганъ подвергся нападенію алайскихъ кочевниковъ. Весь гарнизонъ, съ датхою во главѣ, былъ захваченъ и вырѣ-

занъ. Въ настоящее время отъ укрѣпленія сохранилась часть цитадели; глинобитныя стѣны у основанія еще достаточно толсты, но вверху сильно подмыты; сторожевыя башни по угламъ четвероугольника служатъ теперь пристанищемъ развѣ только коню кочевника, застигнутаго въ пути непогодою.

По другую сторону рѣчки Дараута стоитъ таможенный пикетъ, стерегущій ничтожный по своему значенію караванный путь изъ Каратегина въ Фергану. Собственно это не есть постоянный постъ, а лишь временное убѣжище для объѣздчиковъ. Торговое движеніе черезъ Алай на Исфайрамъ крайне незначительно. Весь отпускъ по этому пути не превышалъ въ 1891 году, 87,000 руб.; въ 1890 же году ввезено было товаровъ на 72,261 руб. Главный предметъ вывоза составляютъ бумажныя издѣлія и хлопокъ сырецъ; ввозится же преимущественно мелкій скотъ и кожи. Торговое движеніе производится съ мая по октябрь; за нимъ наблюдаетъ такъ называе-

ный таможенный летучій отрядъ, состоящій изъ пяти человѣкъ объѣздчиковъ.

Существуетъ предположеніе отвести земли въ западной половинѣ Алая для выходцевъ изъ казаковъ и создать современемъ алайское казачье войско на общихъ, существующихъ въ Имперіи для войсковыхъ земель, основаніяхъ. Тогда наблюденіе за нашими границами на Памирахъ естественно легло бы на обязанность казачьихъ поселеній, чѣмъ установилось бы болѣе непосредственное вліяніе на кочевое населеніе, сберегались бы средства по содержанію войскъ въ отдаленныхъ мѣстахъ и достигались бы лучшіе результаты въ дѣлѣ обезпеченія пограничной линіи.

Можно, однако, думать, что осуществленіе этого намѣренія встрѣтитъ весьма значительныя препятствія. Земли для хлѣбопашества въ западномъ Алаѣ очень немного. Хлѣбъ вызрѣваетъ на высотѣ, не превышающей 8.800 фут.; слѣдовательно, крайній предѣлъ его на долинѣ поднимается по Кизылъ-су до урочища Гуръ-Гуръ и

вся площадь долины отъ этого уровня книзу до Карамука, вводя и часть предгорій, пригодныхъ для орошенія, едва ли превышаетъ 45.000 десятинъ. Если принять, что пятая часть этой площади находится подъ разливами рѣкъ и гальковымъ наносомъ, то на остальномъ пространствѣ съ трудомъ можно будетъ разселить тысячу семействъ, да и то на счетъ пастбищъ киргизовъ.

VIII

Стоянка въ Дараутъ-Курганѣ.—Бухарскіе гости; визитъ къ нимъ.—Дараутское ущелье, его природа.—По ту сторону Тенгизъ-бая.—Отъ Лянгара до Аустанга.—Слухи о шайкѣ.—По поводу волненія 1885 г.—Дорога до Учъ-Кургана.

Въ Дараутъ-Курганѣ Командующимъ войсками рѣшено было дожидаться присоединенія къ намъ памирскаго отряда. Приходилось остановиться на неопредѣленное время. Погода нѣсколько измѣнилась.

Изъ Карамукскаго ущелья дулъ пронзительный вѣтеръ, и по вечерамъ мы таки чувствовали порядочный холодъ. Утромъ послѣ перваго ночлега опять ощущался подземный ударъ, но гораздо слабѣе предъидущаго.

Развлеченіемъ для нашего отряда въ эти скучные дни ожиданія послужило пребываніе въ Дараутъ-курганѣ представителей бухарскаго эмира: бека Каратегина Алмасъ-бія и Абдулъ-Кадыръ-бека парваначи. Послѣдній выдавалъ свое военное званіе яркими красками костюма, забавно претендовавшаго своей мишурой на сходство съ европейскимъ военнымъ мундиромъ. На первое свиданіе Абдулъ-Кадыръ явился въ лиловомъ кафтанѣ съ русскими генеральскими погонами на плечахъ, съ украшенною блестящими звѣздами грудью и въ зеленыхъ штанахъ съ красными лампасами. Почтительная улыбка, скромное опусканіе лукавыхъ глазъ, вкрадчивая притворнольстивая рѣчь обличали въ немъ банальнѣйшаго, но, по своему, опытнаго восточ-

наго царедворца, а подозрительный румянецъ мелкоморщинистыхъ щекъ, шамкающій беззубый ротъ, украшенный черными безъ слѣда сѣдины усами, непріятныя, внушающія чувство гадливости ужимки и тѣлодвиженія напоминали отжившую свой вѣкъ куртизанку. Напротивъ, бекъ Каратегина съ виду очень почтенный, высохшій отъ времени старецъ въ дорогомъ парчевомъ халатѣ, съ неувѣренными манерами, тихимъ голосомъ, чуждый всякаго лоска, внушалъ къ себѣ гораздо болѣе симпатіи. Не смотря на свое происхожденіе изъ персидскихъ рабовъ, Алмасъ-бій еще въ молодости выдвинулся какими-то государственными услугами и, служа вотъ уже при третьемъ эмирѣ, неизмѣнно пользовался уваженіемъ своихъ повелителей.

Послѣ привѣтствія и поздравленій съ благополучнымъ прибытіемъ къ границамъ ханства Абдулъ-Кадыромъ передано было Командующему войсками съ полагающимися по восточному этикету церемоніями письмо эмира. Въ немъ посылались Командующему

войсками въ отборныхъ, трудно поддающихся русской передачѣ выраженіяхъ привѣтствія и благопожеланія. Генералъ поблагодарилъ за поздравленія, но отъ подарковъ, которые бухарцы заготовили въ большомъ количествѣ, отказался. Къ обѣду, на который были приглашены оба представителя эмира, съ Абдулъ-Кадыромъ совершилась нѣкоторая метаморфоза: изъ генералъ-лейтенанта цвѣта лиліи онъ перешелъ въ цвѣтъ яркой зелени, причемъ прежніе свои плечевые знаки замѣнилъ погонами тайнаго совѣтника нашего военно-медицинскаго вѣдомства. Но и въ новомъ своемъ званіи онъ, какъ человѣкъ бывалый и понатерпѣйся около русскихъ, чувствовалъ себя за столомъ довольно увѣренно. Къ сожалѣнію, нельзя было сказать того же объ Алмасъ-біѣ: бѣдняга, неимѣвшій, повидимому, яснаго понятія о назначеніи ножа и вилки, предпочиталъ скорѣе вовсе отказываться отъ горячаго блюда, которое обжигало ему пальцы, нежели доставлять своему болѣе свѣтскому товарищу лишній

поводъ торжествовать надъ неловкостью почтеннаго старика. Нашъ черный хлѣбъ, придясь какъ-разъ по старымъ зубамъ Алмасъ-бія, понравился ему настолько, что даже саркастическая улыбка Абдула не помѣшала старому беку бережно заложить нѣсколько ломтиковъ за пазуху своего парчеваго халата.

На слѣдующій день Командующій войсками посѣтилъ бухарскую ставку. Оказалось, что со вчерашними гостями въ Дараутъ-курганъ прибыла свита человѣкъ поменьшей мѣрѣ въ пятьдесятъ. Хозяева, въ своемъ желаніи оказать гостепріимство высокому посѣтителю, лѣзли, что называется, изъ кожи. Подъ навѣсомъ изъ шатровъ устроенъ былъ обильнѣйшій завтракъ: тутъ-же грудами сложены были самыя разнообразныя сласти, напоминая своимъ обиліемъ богатую колоніальную лавку. Для развлеченія гостей затѣяны были игры. Сначала появился неизмѣнный козелъ, котораго невѣсть откуда взявшаяся толпа терзала немилосердно. Затѣмъ на арену вызваны

были борцы и, къ общему удивленію, какой-то колченогій, невзрачный на видъ киргизъ оказался въ этого рода спортѣ сильнѣе другихъ; на долю неуклюжаго побѣдителя досталось чуть-ли не полдюжины призовыхъ халатовъ, которые онъ, по окончаніи борьбы, и напялилъ на свои широкія плечи одинъ за другимъ къ вящей гордости своей родни и досадѣ побѣжденныхъ. Состязаніе въ бѣгѣ все какъ-то не ладилось. Тогда, забывъ въ азартѣ всю свою важность и великолѣпіе, тайный совѣтникъ въ своемъ зеленомъ камзолѣ съ палкою въ рукахъ лично принялся за водвореніе порядка, что не помѣшало ему, однако, изъ экономическихъ соображеній сберечь нѣсколько паръ халатовъ, раздавъ ихъ только для виду, и мигнувъ своимъ людямъ, чтобы розданные призы тотчасъ-же были-бы отобраны гдѣ-нибудь въ сторонкѣ.

Встрѣча съ бухарцами въ Дараутъ-курганѣ не имѣла, разумѣется, никакого политическаго значенія и служила только актомъ простой вѣжливости со стороны

эмира. Оба его представителя засвидѣтельствовали, что предложеніе Командующаго войсками относительно улучшенія пути по Сурхабу на Гармъ приводится въ исполненіе и бекъ Каратегина оказалъ командированнымъ для провѣрки работъ чиновникамъ полное содѣйствіе, давъ имъ въ проводники опытныхъ старшинъ и джигитовъ.

Проднevавъ двое сутокъ и не дождавшись за это время отъ полковника Іонова никакихъ извѣстій, Командующій войсками рѣшилъ двинуться далѣе, отказавшись отъ первоначальнаго намѣренія лично осмотрѣть возвращавшихся съ Памира охотниковъ. 21-го августа мы двинулись по Дараутъ-Исфайрамскому ущелью на Маргеланъ.

При входѣ въ ущелье васъ охватываетъ новое чувство. Изъ широкаго простора Алайской долины вы вступаете въ безконечный узкій корридоръ, стѣны котораго по временамъ нависаютъ надъ вашими головами, закрывая небесную лазурь. Мѣстами отвѣсныя скалы сближаются до того, что стѣсненный потокъ бьется объ нихъ,

не оставляя для путника мѣста, куда бы лошади можно было ступить ногою. Ручей, загроможденный колоссальными глыбами, падаетъ съ нихъ красивыми каскадами, наполняя ущелье зловѣщимъ гуломъ. Особенно живописна тѣснина не далеко отъ впаденія рѣчки Шиманъ: двѣ совершенно отвѣсныя стѣны образуютъ ворота, въ перспективѣ которыхъ по многочисленнымъ ступенямъ на встрѣчу путнику стремительно несется огромная масса пѣны. Величественные виды Дараутскаго ущелья настолько живописны и многочисленны, что нашъ любитель-фотографъ князь Г. едва поспѣвалъ за нами слѣдовать.

Флора Дараутскаго ущелья напоминаетъ собой пройденныя нами горныя долины Наманганскаго уѣзда. Въ началѣ ущелья обращаетъ на себя вниманіе какое-то зонточное растеніе вышиною до 3—4 аршинъ съ широкими сочными листьями, а тамъ далѣе пошли цѣлыя заросли лиственныхъ деревьевъ—рябина, береза, жимолость; выше на скалахъ лѣпится арча. Веселые

тоны зелени оживляются, въ противоположность безмолвію Чоткальскихъ ущелій, разнообразіемъ пернатыхъ. Здѣсь въ изобиліи попадается голубь, черный дроздъ, нѣсколько видовъ изъ семейства ruticillae; какой-то рѣдкій экземпляръ, отличающійся малыми размѣрами и удивительно граціозный, принадлежащій, повидимому, къ семейству Motacillae. Но болѣе другихъ путника занимаетъ особый видъ Tichodromae murariae съ ея пурпурнымъ чепчикомъ на головѣ....

Выше къ Тенгизъ-баю растительность постепенно исчезаетъ; сначала прекращается осокорь, горный тальникъ, береза, а выше и рябина; еще ближе къ перевалу на высотѣ приблизительно 11,000 футовъ арча начинаетъ уже стлаться по землѣ. Начало Тенгизбайскаго перевала можно считать отъ мѣста сліянія рѣчекъ Кара-Джилги и Шимана. Подъемъ на него довольно крутъ и дліненъ; въ одномъ мѣстѣ пришлось переправляться чрезъ снѣжный мостъ; весь подъемъ до сѣдловины представляетъ голый

камень безъ всякаго слѣда растительности. На сѣдловинѣ показывается мурава, которая ниже, по спуску, сплошь покрываетъ берега открывающагося взору Исфайрама. Высота перевала 11,800 футовъ; спускъ болѣе покатый, мягкій; дорога по спуску идетъ зигзагами и, повидимому, потребовала не мало трудовъ при разработкѣ. Сойдя съ перевала къ берегу рѣки, текущей здѣсь съ запада на востокъ, и минуя на урочищѣ Намазгуй остатки какихъ-то сооруженій, повидимому, крѣпостныхъ, мы опять вступили постепенно въ поясъ древесной растительности—сначала хвойной, а потомъ и лиственной. Долина съ каждымъ шагомъ суживается все болѣе, мѣстами лишь оставляя небольшія площадки, годныя для остановокъ. На одной изъ такихъ лужаекъ, носящей мѣстное названіе Кичигинедала, мы нашли свой шатеръ и заночевали. Дорога по ущелью въ этихъ мѣстахъ очень капризна и часто перебѣгаетъ съ одного берега на другой, то подымаясь высоко по скаламъ, то спускаясь къ самой водѣ.

Ущелье въ одномъ мѣстѣ сузилось настолько, что образовало тѣснину; тутъ-же видны остатки каменныхъ загражденій, которыя въ своемъ заброшенномъ видѣ напоминаютъ разоренное гнѣздо орла. Обитателемъ этого орлинаго гнѣзда былъ нѣкто Музафаръ-Ша, правитель Каратегина. Принужденный оставить свои владѣнія и не желая отдаться въ руки враговъ, Музафаръ свилъ себѣ гнѣздо въ ущельѣ Исфайрана, защищая его, какъ со стороны Каратегина, такъ и со стороны Коканда. На верховьяхъ Исфайрана можно еще и сейчасъ видѣть сложенную изъ камня постройку, которую лѣтъ 40 тому назадъ занималъ свободолюбивый Музафаръ и которая нынѣ только служитъ убѣжищемъ на случай непогоды. Въ верстахъ семи или восьми отъ ночлега раздавшееся ущелье образуетъ площадку, носящую названіе Кичикъ-Алай-чаты, которою мы и воспользовались для дневнаго привала. По впадающему здѣсь Кичи-Алаю можно, хотя и не безъ труда, пробраться въ долину Малаго Алая, которая, по сло-

вамъ очевидцевъ, очень живописна, и выбраться далѣе въ долину Кызылъ-су. Отъ привала до ночлега на урочищѣ Лянгаръ дорога опять перебрасывается съ одного берега на другой, то извиваясь между громадными мраморными глыбами, то идя по опаснымъ карнизамъ спаянныхъ конгломератовъ, то, наконецъ, по самому руслу рѣки; мѣстами попадаются густыя заросли тала и тополя, мѣстами рябина, береза, яблоня, жимолость. Ночью на Лянгарѣ было довольно свѣжо; въ седьмомъ часу утра трава покрывалась еще легкимъ инеемъ. На спускѣ къ рѣкѣ травянистая растительность очень разнообразна; между прочимъ, попадается довольно рѣдкій въ этихъ мѣстахъ папоротникъ-орлякъ.

При выѣздѣ съ Лянгара на Аустангъ можно замѣтить развалины какого-то укрѣпленія. Мѣстные жители относятъ эти сооруженія ко времени занятія долины Исфайрама выходцами изъ Шугнана. Вынужденная покинуть родину горсть шугнанцевъ эмигрировала черезъ западный Алай

на верховья Исфайрама, занявъ урочище Намазгуй. Постепенно двигаясь внизъ по рѣкѣ, шугнанцы спустились сначала къ уроч. Лянгаръ, а еще позже къ Чамкаю и, наконецъ, добрались до Учъ-кургана, основаніе котораго жители селенія, считающіе себя прямыми потомками шугнанцевъ, относятъ къ XIV столѣтію.

Дорога отъ Лянгара довольно трудна. На третьей верстѣ попадается весьма непріятный спускъ; мелкіе повороты и частые подъемы и спуски утомляютъ лошадь; 17 лѣтъ назадъ отрядъ, шедшій этими мѣстами на Алай, потерялъ тутъ нѣсколько лошадей съ провіантомъ. Огромные камни, сыпавшіеся сверху, сбивали несчастныхъ животныхъ въ пропасть; пострадало также нѣсколько нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ дорога, кажется, не представляетъ опасности; тропа по возможности расширена и окаймлена. но придетъ зима и весь трудъ по очисткѣ пути можетъ оказаться безплоднымъ. Ближе къ Аустангу, верстахъ въ 9-ти отъ него,

попадается сооруженіе, стоившее большого труда и затратъ. Тамъ гдѣ рѣка прорывается сквозь узкую щель, шириною, не превышающую 6—7 шаговъ, быстрота потока неимовѣрна и ниже этого мѣста рѣка заливаетъ дорогу; для огражденія-то ея и устроена дамба на протяженіи $^{1}/_{4}$ версты.

Разстояніе отъ уроч. Лянгаръ до Аустанга не менѣе 35-ти верстъ. Переходъ порядкомъ истомилъ нашихъ лошадей; моя же притомъ потеряла подковы и захромала. По счастью до ночлега оставалось версты три, и никогда я не былъ такъ доволенъ приваломъ, какъ въ этотъ разъ.

Юрты наши разставлены были на лѣвомъ берегу Исфайрама, на площадкѣ, какихъ не мало попадается въ этой долинѣ. Нѣсколько ниже съ правой стороны втекаетъ рѣчка Аустангъ, недалеко отъ устья которой можно различить киргизскія зимовки. Послѣднія принадлежатъ довольно зажиточнымъ киргизамъ изъ рода Уйгуръ, пасущимъ свои стада на Маломъ Алаѣ. Съ лѣвой стороны нѣсколькими десятками

саженей ниже Аустанга въ Исфайрамъ втекаетъ рѣчка Кичигина. По долинѣ этого ручья чрезъ перевалъ Акъ-Ташъ тропинка пошла на киргизскія лѣтовки Тонаша и далѣе на селеніе Шахимарданъ, пользующееся, какъ извѣстно, незаслуженною славою мѣста погребенія четвертаго калифа Али.

Въ этотъ день (23 августа) до Командующаго войсками дошли свѣдѣнія о появленіи въ предѣлахъ Ферганы вооруженной шайки. Стало извѣстно, что нѣсколько десятковъ человѣкъ въ предѣлахъ Наманганскаго уѣзда напали на межевщика. Послѣдній, защищаясь отъ нападавшихъ, вынужденъ былъ пригрозить оружіемъ, послѣ чего шайка въ испугѣ отступила, но въ ту же ночь напала на ближайшее селеніе, и, захвативъ нѣсколько лошадей, раннимъ утромъ направилась къ с. Ассаке, Маргеланскаго уѣзда. Донесеніе прибавляло, что шайка дѣйствовала именемъ какого то предводителя (ляшкара) Абдурахманъ-хана и что приняты мѣры къ поимкѣ виновныхъ.

Командующій войсками тотчасъ же послалъ начальника Маргеланскаго уѣзда принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію безпорядковъ. Впослѣдствіе, уже въ Маргеланѣ, выяснилось, что появленіе шайки вызвано политическими мотивами. Въ августѣ мѣсяцѣ среди андижанцевъ возникъ слухъ о прибытіи изъ Афганистана Абдукаримъ-хана, сына Садыкъ-бека, слѣдовательно, двоюроднаго брата Худояръ-хана, и объ ожиданіи къ осени изъ Бадахшана Акрамъ-хана-тюря, которые-де поднимутъ знамя возстанія противъ русскихъ.

Подобнаго рода слухи среди Ферганскаго населенія, всегда охотно подхватываемые народной массой, составляютъ пока явленіе самое обыкновенное и находятъ себѣ оправданіе во всемъ историческомъ складѣ. Воспитанный постоянными волненіями и калейдоскопической смѣной своихъ правителей, народъ, хотя бы въ качествѣ пушечнаго мяса, невольно привлекался къ участію въ борьбѣ партій. Изъ его массы черпались силы для осуществленія честолюбивыхъ пла-

новъ всякихъ авантюристовъ, въ его частную мирную жизнь такъ часто врывался потокъ неожиданныхъ политическихъ движеній, что онъ поневолѣ выработалъ извѣстную чуткость къ вопросамъ политики и привыкъ относиться съ крайнимъ вниманіемъ ко всѣмъ признакамъ, которые могли бы угрожать его мирному существованію. Вотъ почему при всемъ своемъ миролюбіи, при полномъ безсиліи и духовной вялости, ферганецъ по старой привычкѣ не можетъ отнестись равнодушно ни къ какой политической новинкѣ, если только она обѣщаетъ ему нарушить тишину его мирнаго прозябанія. Каждый сенсаціонный слухъ, сулящій какія либо перемѣны, катясь по базарамъ, разростается до чудовищныхъ размѣровъ, проникая въ самые отдаленные уголки, пугая однихъ, волнуя другихъ, разжигая дремлющія надежды третьихъ. Замѣчательно, что всякое броженіе этого рода, всѣ эти смутныя ожиданія и упованія всплываютъ обыкновенно въ осеннее время, послѣ уборки полей. Весна и лѣто прохо-

дятъ въ трудѣ, неоставляющемъ мѣста для увлеченій и праздныхъ мечтаній, но когда хлѣбъ собранъ, работа на поляхъ кончена, жизнь становится монотоннѣе и отравляется еще при томъ необходимостью нести подать,—въ народномъ умѣ начинаетъ сказываться та воспріимчивость и легковѣрность, которая составляетъ столь благодарную почву для дѣятельности всѣхъ недовольныхъ, обиженныхъ и жаждущихъ приключеній. Послѣдняя категорія, являясь прямымъ наслѣдіемъ ханскаго періода, составляетъ довольно многочисленный классъ ферганскаго населенія. Въ него вошли и стали во главѣ прежде всего представители духовныхъ интересовъ народа, одни, какъ истинные радѣтели этихъ интересовъ, другіе, какъ лица, лишившіяся своихъ прежнихъ прерогативъ въ податномъ отношеніи. Къ духовенству примкнула масса служилаго люда, нерѣдко занимавшаго при ханахъ значительныя должности и пользовавшагося богатыми синекурами, а нынѣ оставшагося не у дѣлъ и обѣднѣвшаго; къ

нимъ, разумѣется, присоединилась и часть ханской арміи, которая при Худоярѣ достигала 12-ти тысячъ человѣкъ, часть наименѣе обезпеченная, праздная, утратившая всякую способность къ труду, и развращенная. Сюда же уходили наиболѣе непримиримые изъ Ташкента и Самарканда. Къ этой цифрѣ недовольныхъ приходится еще прибавить толпу любителей легкой наживы, оставшуюся отъ кокандскаго режима и неотказавшуюся отъ своего образа жизни и профессіональнаго занятія по настоящее время. Изъ среды послѣдняго элемента неспокойныхъ классовъ населенія выступаютъ на первый планъ рыцари „баранты" или по-просту люди, занимающіеся грабежомъ и разбоями. Составлявшая нѣкогда естественное явленіе бытоваго уклада кочеваго народа баранта (барымта) при кокандскомъ правленіи утрачиваетъ характеръ правового обычая и обращается въ разбойничество, сначала какъ бы на почвѣ племенной и родовой розни, а затѣмъ уже и въ простое грабительство по дорогамъ. Но и въ этой

неприглядной формѣ ремесло барантача до сихъ поръ еще не считается населеніемъ чѣмъ-нибудь позорнымъ. Напротивъ, съ представленіемъ о барантѣ скорѣе соединяются понятія о молодечествѣ, неустрашимости и прочихъ рыцарскихъ качествахъ, которыхъ такъ сильно не достаетъ забитой и развращенной натурѣ осѣдлаго средне-азіатца. Имена нѣкоторыхъ разбойниковъ пользуются своеобразною славою, заслуженною тѣми или другими нравственными достоинствами ихъ обладателей. И даже русскія власти не всегда считали возможнымъ преслѣдовать баранту со всею строгостью уголовныхъ законовъ, видя въ ней явленіе слагавшагося при другихъ условіяхъ и неподходящаго подъ наши юридическія нормы общественнаго строя.

Изъ ферганскихъ волненій наибольшаго вниманія по своимъ размѣрамъ заслуживаетъ волненіе 1885 года. Оно не было результатомъ какого либо строго обдуманнаго плана, и первоначальный замыселъ иниціаторовъ этого движенія сводился къ тому,

чтобы воспрепятствовать предстоявшему сбору податей и добиться у русской власти замѣны нынѣ дѣйствующей оброчной системы старыми танапомъ и хераджемъ. Средствомъ для пропаганды этой идеи являлось образованіе шаекъ, которыя, путемъ грабежа и захватовъ лицъ волостной администраціи, стремились пріобрѣсти популярность среди спокойнаго населенія. Благодаря пассивному отношенію народа къ дѣлу преслѣдованія разбойниковъ, шайки, набранныя преимущественно среди бездомнаго и голоднаго люда, стали быстро возрастать въ числѣ. Тогда явилась необходимость въ объединеніи ихъ и на сцену привлекается нѣкто Дервишъ-ханъ-тюря, котораго остальные атаманы, какъ Юлдашъ-ханъ, Балапансатъ и др., провозглашаютъ ханомъ. Ободренные сомнительнымъ успѣхомъ, организаторы шаекъ начинаютъ уже помышлять о привлеченіи на свою сторону всѣхъ недовольныхъ русскимъ режимомъ. Волненіе пріобрѣтаетъ политическій оттѣнокъ. Разсылаются тайные агенты по всей области

и даже въ Кураминскій уѣздъ; наконецъ, дѣло разростается до того, что надежныя лица снаряжаются въ сосѣднія ханства съ просьбою о поддержкѣ, въ которой и не встрѣчаютъ отказа. Такъ по крайней мѣрѣ, эмиръ афганскій, убѣдившись изъ донесеній своихъ шпіоновъ, проживающихъ въ Ферганѣ; въ качествѣ афганскихъ купцовъ, въ возможности успѣха возстанія, послалъ Дервишъ-хану 8 пудовъ серебра, обѣщая и на будущее время помогать войнѣ съ невѣрными.

Но все это волненіе, даже и при внѣшней поддержкѣ, оказалось совершенно ничтожнымъ, искусственно раздутымъ и разбилось о полнѣйшее равнодушіе къ нему народной массы. Дѣло свелось къ организаціи двухъ шаекъ, изъ которыхъ одна въ 300 человѣкъ собиралась преимущественно между киргизами маргеланскаго уѣзда изъ рода Ичкиликовъ, другая, въ числѣ 400 человѣкъ, имѣла становище въ Базаркурганской волости, Андижанскаго уѣзда, и состояла изъ разнаго рода голытьбы; под-

стрекаемой искателями приключеній. Среди послѣднихъ попадались ишаны, бывшіе ханскіе чиновники и другія лица изъ числа недовольныхъ русскими порядками. Вся дѣятельность этихъ шаекъ исчерпывалась захватомъ по дорогамъ и кишлакамъ разныхъ должностныхъ лицъ изъ низшей уѣздной администраціи и ограбленіемъ ихъ домовъ. Такъ, жертвою ихъ палъ алтынкульскій волостной управитель Абду-Муминъ, который, отказавшись исполнить требованіе о присоединеніи къ шайкѣ, сталъ защищаться отъ нападенія и былъ убитъ; въ другомъ мѣстѣ былъ схваченъ 93-лѣтній старецъ, когда-то пользовавшійся вліяніемъ при ханахъ, и былъ уведенъ шайкою для того, чтобы присутствіемъ въ ней поднять значеніе шайки въ глазахъ народа. Но масса населенія, не обнаруживая особеннаго рвенія къ подавленію безпорядковъ и затрудняя этимъ преслѣдованіемъ виновныхъ, воздерживалась, съ другой стороны, и отъ увлеченій въ пользу мятежа и неподдавалась на тѣ соблазны, которые выставлялись

инициаторами волненія на первый планъ. Она съ большимъ вниманіемъ слѣдила за движеніемъ, которымъ затрогивались ея матеріальные интересы. Толки на базарѣ велись съ крайнимъ оживленіемъ, всѣ перипетіи волненія обсуждались и коментировались до безконечности, но опытъ научилъ народную массу осторожности и она выжидала. При такомъ настроеніи народа русская власть энергическими мѣрами поспѣшила покончить съ волненіемъ. Шайки были разсѣяны, спокойствіе въ области водворено, но.... руководители безпорядковъ исчезли безъ слѣда, предоставивъ раздѣлываться съ администраціей второстепеннымъ участникамъ. Самъ Дервишъ-ханъ-тюря и его сообщники бѣжали въ Авганистанъ, гдѣ и подождутъ, вѣроятно, болѣе благопріятныхъ условій для возобновленія столь неудачно начатаго дѣла.

Безпорядки 1891 года ограничились образованіемъ шайки человѣкъ въ 40, которая и была разсѣяна въ самомъ началѣ своего возникновенія. Однако, и здѣсь не

удалось захватить главныхъ виновниковъ; попался какой-то кипчакъ изъ Шуръ-кургана, Шарихавской волости, который и сознался въ участіи, но утверждалъ, что примкнулъ къ шайкѣ по принужденію, изъ страха смерти, и отказался назвать кого-либо изъ злоумышленниковъ.

Постоянная неудача русской администраціи въ поискахъ за главными руководителями волненій объясняется тѣмъ нейтральнымъ положеніемъ, какое занимаетъ населеніе въ этихъ случаяхъ. Пассивное отношеніе избавляетъ его, съ одной стороны, отъ мести, которая неизбѣжно выразилась бы грабежемъ и насиліемъ, а, съ другой, отъ репрессалій власти. Если же народное сочувствіе и склоняется охотнѣе на сторону агитаторовъ, то все же оно не переходитъ въ активное участіе и ограничивается лишь готовностью со стороны населенія дать временное убѣжище укрывающемуся отъ преслѣдованія злоумышленнику. Недаромъ въ своемъ донесеніи Ферганскому губернатору одинъ изъ уѣздныхъ

начальниковъ настаиваетъ на необходимости привлекать къ отвѣтственности цѣлыя общества и киргизскіе роды, изъ среды которыхъ выступаютъ организаторы шаекъ. Въ понятномъ для „блюстителя порядка“ негодованіи на безучастное отношеніе населенія къ административнымъ розыскамъ онъ считаетъ равнодушіе толпы къ дѣйствіямъ шаекъ вреднѣе непосредственнаго участія народа въ волненіи. „Тогда, прибавляетъ онъ, мы били-бы не стѣсняясь и скорѣе водворили бы порядокъ“. Конечно, *бить не стѣсняясь*—дѣло не хитрое, но едва-ли правильно предпочтеніе поголовнаго возстанія массовому равнодушію только изъ-за того, что задача усмиренія при первыхъ условіяхъ рѣшается проще.

Изъ Аустанга на другой день утромъ мы выступили въ Учъ-курганъ. Это былъ уже послѣдній нашъ переходъ верхомъ. Долина Нефайрама теряетъ здѣсь свой угрюмый безлюдный характеръ и оживляется пашнями, садами и киргизскими зимовками. Въ верстахъ 2-хъ отъ ночлега, на

лѣвомъ берегу рѣки, попадается таможенный постъ или, правильнѣе, караульный домикъ, въ которомъ останавливаются таможенные джигиты; далѣе на правомъ берегу можно различить ущелье, при входѣ въ которое раскинуты зимовки, принадлежащія роду Найманъ. Ниже по рѣкѣ ущелье опять суживается на нѣсколько верстъ и дорога, спускаясь къ рѣкѣ, проходитъ среди громадныхъ осколковъ сосѣднихъ скалъ, потомъ опять подымается на высокій берегъ, идетъ между пашнями и садами киргизовъ рода Буйгу, переходитъ на правый берегъ, круто поднимается мимо хижины лѣснаго сторожа и вновь вступаетъ въ ущелье. Не доѣзжая рѣчки Чаувай, на правой сторонѣ рѣки, на горѣ можно различить мазаръ съ небольшой рощицей старыхъ тополей. По преданію, существующему среди жителей Учъ-кургана, эта могила дѣдовъ нынѣшнихъ учъ-курганцевъ. Она носитъ названіе Даудъ-Мазара (могилы Давида) и глубоко почитается не только жителями Учъ-кургана, но и окрестными киргизами

рода Ичкиликъ, имѣющими свои пастбища по Чаувак, Буры и другимъ рѣченкамъ, впадающимъ въ Исфайрамъ-Сай.

Отъ рѣки Акъ-Терека до Учъ-кургана 6 верстъ хорошей колесной дороги.

IX

Встрѣча съ канджутцами.—Канджутъ и Англія.—Визитъ г. Громбчевскаго къ Сафдеръ-али-хану; его послѣдствія.—Канджутское посольство.—Новый Улиссъ изъ Канджута; его мнѣніе о Россіи.

Въ Учъ-курганѣ Командующаго войсками ожидали нѣсколько человѣкъ канджутцевъ. Заинтересованные живыми разсказами г. Громбчевскаго, охотно дѣлившагося съ нами въ дорогѣ впечатлѣніями, которыя онъ вынесъ изъ своего путешествія въ Канджутъ, мы всѣ съ понятнымъ любопытствомъ желали увидѣть рѣдкихъ гостей и послушать, что они скажутъ.

Канджутъ или Хунза, какъ его называютъ сосѣдніе народы, составляетъ маленькую горную земельку, на южномъ склонѣ Гиндукуша, съ сѣвера прилегающую къ Малому Памиру, съ юга къ сѣвернымъ склонамъ Гималая, между Ясиномъ съ запада и Раскемомъ съ востока, населенную горстью воинственныхъ іешкуновъ*), успѣвавшихъ при номинальной зависимости отъ Китая поддерживать до послѣдняго времени полную фактическую самостоятельность. Занятые земледѣліемъ на тѣхъ клочкахъ, которые по природѣ своей доступны плугу и которые не могутъ обезпечить населенію способовъ пропитанія, канджутцы издавна обратились къ разбою, какъ къ подспорью для существованія. Караваны между Кашмиромъ и Кашгаромъ оказались подъ рукой

*) Происхожденіе *іешкуновъ* или *буришей* Канджута далеко не выяснено. Нѣкоторые ученые (напрям. Шау) ставятъ ихъ совершенно особнякомъ какъ отъ гальча, такъ и отъ дардовъ; Биддельфъ производитъ буришей или канджутцевъ отъ Юечи, завоевавшихъ Бактру около 120 г. до Р. Хр. (Биддельфъ. Народы, населяющіе Гиндукушъ, пер. Лессара, Асхабадъ. 1886).

и уже издавна составляютъ существенную статью ихъ хозяйства. Все населеніе едва ли превышаетъ 40.000 домовъ, но всякій способный носить оружіе тотчасъ же можетъ быть призванъ къ защитѣ страны. Г. Громбчевскій лично убѣдился въ той легкости, съ какою можетъ послѣдовать превращеніе мирныхъ обывателей Хунзы въ воинственную армію. По данному ханомъ наканунѣ распоряженію всѣ свободные отъ занятій жители главнаго канджутскаго селенія Бальтита собрались на утро въ полномъ вооруженіи. „Всѣ сосѣднія возвышенности—разсказывалъ г. Громбчевскій—усѣяны были вооруженнымъ народомъ, численность котораго, какъ мнѣ казалось, достигала не менѣе 10.000 человѣкъ“. Такая воинственность Канджута слабымъ сосѣдямъ внушаетъ страхъ, благодаря чему разбои канджутцевъ оставались безнаказанными, пока на нихъ не обращено было вниманіе англичанъ.

До недавняго времени, благодаря трудности горныхъ дорогъ и чуткости свободо-

любивыхъ горцевъ ко всякому иноземному вторженію, Канджутъ почти не посѣщался европейцами. Но мало-по-малу сосѣднія ханства входили въ раіонъ англійскаго вліянія, одни подпавъ непосредственно подъ власть остъ-индскаго правительства, другія подчинившись Афганистану, и Канджутское ханство вскорѣ оказалось окруженнымъ широкимъ поясомъ англо-афганскихъ владѣній. Англичане не замедлили сосредоточить свое вниманіе на странѣ, оберегающей часть нижнихъ проходовъ Гиндукуша на Памиры и составляющей, въ виду ея географическаго положенія, весьма выгодную позицію. И вотъ въ 1886 году, въ качествѣ развѣдчика, въ Канджутѣ появляется полковникъ англійской службы лордъ Локхартъ. Съ значительной денежной суммой, съ богатыми подарками и тщательными предосторожностями вступила англійская экспедиція въ страну, гарантировавъ свою безопасность заложниками, содержавшимися подъ стражей въ Гильгитѣ. Она прошла все ханство съ юга на сѣверъ, спустилась

въ Ваханъ и чрезъ Читралъ вернулась въ Индію. Это первое знакомство съ Хунзою стоило Англіи довольно дорого. Не говоря о матеріальныхъ затратахъ, на которыя англичане не жалѣютъ въ этихъ случаяхъ средствъ, Англія пожертвовала до нѣкоторой степени своимъ національнымъ достоинствомъ, безнаказанно допустивъ продажу въ рабство 18 человѣкъ экспедиціонныхъ носильщиковъ, схваченныхъ по приказанію правителя Канджута, вопреки договора. Такая слабость со стороны сильной державы была ошибочна уже потому, что, не внушая уваженія къ ней, давала поводъ канджутцамъ, какъ къ дальнѣйшему нарушенію обязательствъ, такъ и къ болѣе рѣшительному сопротивленію въ позднѣйшей борьбѣ за самостоятельность. На первыхъ же порахъ это враждебное отношеніе къ Англіи выразилось образованіемъ въ странѣ партіи недовольныхъ, во главѣ которыхъ всталъ старшій сынъ правителя Канджута Сефдеръ-Али-ханъ. Тзумъ или миръ Хунзы, Газанъ-ханъ, какъ допустившій въ страну непа-

вистнѣйшихъ враговъ ея, палъ первою жертвою этого волненія. Тѣмъ не менѣе экспедиціей Локхарта положено было основаніе для дальнѣйшаго подчиненія ханства англійскому вліянію. и въ 1889 году въ Канджутѣ появляется вторая экспедиція на этотъ разъ подъ начальствомъ капитана Юнгусбэнда. Новый тзумъ. Сефдеръ-Али-ханъ, отказывался пропустить англичанъ, но внушительный отрядъ кашмирскихъ войскъ, двинутый къ границамъ ханства, побудилъ правителя Канджута къ уступкѣ. Экспедиція пропущена была въ Бальтитъ, и здѣсь капитанъ Юнгусбэндъ добился заключенія договора, по которому страна за вознагражденіе миру въ 15.000 рупій отдавалась въ вассальное подчиненіе остъ-индскому правительству. Но зависимость эта до послѣдняго времени была почти номинальною и владѣтель Канджута не терялъ надежды сбросить ее при поддержкѣ Россіи. Основаніемъ такого расчета на русскую помощь послужила для Сефдеръ-Али-хана поѣздка въ Кунджутъ г. Громбчевскаго, который

посѣтилъ страну въ промежутокъ между двумя упомянутыми выше английскими экспедиціями. Этотъ путешественникъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ въ крайне враждебномъ настроеніи народа къ англичанамъ, такъ и въ его симпатіяхъ къ Россіи. Такъ напримѣръ, въ прощальной аудіенціи ханъ въ присутствіи сановниковъ страны и коммисаровъ изъ Гильгита, поручилъ г. Громбчевскому просить Государя Императора принять его и страну въ подданство Россіи, при чемъ не стѣснялся выраженіемъ ненависти къ англичанамъ. Кромѣ того, позже, когда вынужденный договоръ съ Англіей былъ уже заключенъ, а со стороны Россіи нельзя было замѣтить и признаковъ вмѣшательства въ дѣла Канджута, надежда на русское покровительство не оставляла Сефдеръ-Али-хана, и капитанъ Юнгусбэндъ, при встрѣчѣ съ г. Громбчевскимъ въ Яркендѣ въ 1890 году, не безъ злобы передавалъ ему, что ханъ Канджута, уже по подписаніи договора и полученіи субсидіи, на приглашеніе посѣтить Индію,

отвѣтилъ: „я и мой великій покровитель Императоръ Александръ III—мы въ Индію не ѣздимъ“.

Капитанъ Громбчевскій, неимѣвшій политической миссіи и неснабженный никакими полномочіями, посовѣтовалъ Сефдеръ-Али-хану направить свои просьбы (между прочимъ, онъ просилъ снабдить его хотя-бы двумя горными орудіями и сотней бердановскихъ ружей, обѣщая никогда не допустить въ страну свою англичанъ) черезъ русское консульство въ Кашгарѣ. Посолъ, снабженный письмами къ консулу, Туркестанскому Генералъ-Губернатору и Министру Иностранныхъ Дѣлъ, долженъ былъ дойти до Ташкента, но былъ задержанъ въ Кашгарѣ, а на письма, переданныя консулу, не послѣдовало никакого отвѣта. Полтора года спустя Сефдеръ-Али-ханъ писалъ г. Громбчевскому, что старшины страны, будучи подкуплены англичанами, отказались драться и промѣняли родину на золото.

Между тѣмъ остъ-индское правительство неуклонно преслѣдовало задачу подчиненія

Канджута, выдвинувъ главнымъ мотивомъ тотъ вредъ, который наносятъ канджутцы кашгаро-каширской торговлѣ своими разбоями. Препятствіе, встрѣтившееся англичанамъ со стороны Китая, вскорѣ было, какъ мы видѣли выше, устранено. Шахидулла-Ходжа, которую пришлось покинуть англійскому гарнизону, на слѣдующій годъ снова была имъ занята и на этотъ разъ, кажется, безвозвратно. Столкновенія съ китайцами, повидимому, уладились, благодаря все тому же неутомимому капитану Юнгусбэнду, и возведенное англійскими инженерами укрѣпленіе въ Шахидулла-Ходжѣ послужитъ надежнымъ ключемъ ко всѣмъ дорогамъ между Кашгаріей и Каширомъ.

Сознавая, что все это систематическое движеніе англичанъ неизбѣжно должно окончиться полнымъ подчиненіемъ страны остъ-индскому правительству и не получая отвѣта на свои письма, владѣтель Канджута рѣшился наконецъ отправить пословъ къ Туркестанскому Генералъ-Губернатору. Посланные Сефдеръ-Али-ханомъ черезъ Каш-

гаръ и снабженные въ этотъ дальній кружный путь крайне скудно, бѣдняги добрались до Маргелана въ самомъ плачевномъ видѣ: безъ лошадей, безъ обуви. въ одеждѣ, совершенно износившейся отъ дальняго путешествія. Въ Маргеланѣ ихъ снабдили всѣмъ необходимымъ. Въ Учъ-Курганъ канджутцы вызваны были потому, что здѣсь предполагалось оставаться еще два дня для присутствованія на маневрахъ маргеланскаго лагернаго сбора.

Вечеромъ того же дня, узнавъ, что въ числѣ сопровождавшихъ Командующаго войсками прибылъ и г. Громбчевскій, канджутцы тотчасъ же поспѣшили къ нему. И надо было видѣть ту искреннюю радость, которою сіяли ихъ оживленныя лица, тотъ неподдѣльный и шумный восторгъ, какимъ они встрѣтили своего стараго знакомца, чтобы судить о симпатіяхъ, возбужденныхъ имъ въ простодушныхъ горцахъ за короткое время своего пребыванія на ихъ родинѣ. Со слезами на глазахъ они съ чувствомъ глубочайшаго уваженія прикладывали свои

загорѣлыя лица къ его рукамъ, съ какой-то умилительной нѣжностью обнимали его рослую фигуру восхищенными взорами. Казалось, они не могли на него наглядѣться, долго не могли придти въ себя отъ радости свиданія. Встрѣча эта краснорѣчиво подтверждала для меня непреложность того вліянія на населеніе посѣщенныхъ г. Громбчевскимъ странъ, о которыхъ самъ глубокоуважаемый путешественникъ свидѣтельствуетъ неоднократно въ своихъ разсказахъ и запискахъ. Секретъ этого вліянія кроется въ личныхъ качествахъ г. Громбчевскаго. Всегда веселый, словоохотливый, умѣющій поставить себя въ уровень пониманія туземца и пользующійся для того своимъ знаніемъ нравовъ востока, его обычаевъ и рѣчи, со всѣми ея характерными оттѣнками и какъ бы льстя этимъ знаніемъ восточной чванливости, онъ въ тоже время высоко держитъ знамя національнаго достоинства, давая во время почувствовать легко зазнающемуся азіатцу свою силу и превосходство.

Явившись съ далекаго сѣвера, въ сопровожденіи всего лишь четырехъ казаковъ въ страну, куда европеецъ проникалъ лишь съ надежными силами и достаточнымъ обезпеченіемъ, г. Громбчевскій однимъ своимъ прибытіемъ въ это разбойничье гнѣздо произвелъ уже глубокое впечатлѣніе на жителей, всегда склонныхъ уважать смѣлость и самоувѣренность. Когда же, въ своихъ бесѣдахъ съ правителемъ Канджута и его сановниками, онъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, сталъ рисовать предъ слушателями грандіозную картину русскаго величія, не щадя, конечно, красокъ, соотвѣтствующихъ вкусамъ восточной фантазіи, всѣ симпатіи пылкихъ горцевъ тотчасъ же завоеваны были въ пользу Россіи. Не понадобилось ни заложниковъ, ни денежныхъ субсидій, ни богатыхъ подарковъ.

Тѣмъ не менѣе канджутцамъ казалось, что ихъ маленькая страна не безъ основанія привлекаетъ къ себѣ взоры могущественной Россіи, и тзумъ Сефдеръ-Али-ханъ, изъ антагонизма ея съ Англіей, расчиты-

валъ извлечь для себя выгоду. Ему, избалованному ухаживаніями англичанъ, казалось, что стоитъ только пожелать сближенія съ великимъ сѣвернымъ сосѣдомъ, какъ тотчасъ же явится къ нему сильная русская помощь, которая и облегчитъ задачу освобожденія страны отъ ненавистнаго англійскаго вліянія.

На дѣлѣ оказалось, что Сефдеръ-Алиханъ, повторивъ ту же ошибку, въ какую впалъ до него нѣкогда правитель Авганистана, поплатился тѣми же послѣдствіями, какія выпали въ свое время и на долю Ширъ-Али-хана....

Нельзя, однако, игнорировать существованіе и другого взгляда на отношенія Канджута къ своимъ сосѣдямъ. По мнѣнію, раздѣляемому извѣстными нашими знатоками Средней Азіи, главными мотивами канджутской политики является не столько жажда свободы и независимости, сколько жажда стяжанія и алчность. Сознавая всю выгоду своего географическаго положенія среди трехъ государствъ, одинаково способныхъ

оцѣнить значеніе страны, какъ удобнаго передоваго пункта передъ лицомъ сосѣдей, канджутцы давно уже стали прибѣгать къ періодическому обращенію съ различными просьбами то къ одной, то къ другой изъ этихъ державъ, чтобы выговорить себѣ тѣ или другія субсидіи. Съ этою цѣлью Хунза поочередно и неоднократно завязывала переговоры съ Китаемъ, Афганистаномъ и англичанами, вступая въ подчиненное отношеніе то къ одному, то къ другому, судя по тому, кто больше дастъ. Поэтому возможно, что и предстоявшіе переговоры имѣли цѣлью нестолько добиться дѣйствительной помощи въ борьбѣ съ Англіей, сколько выпросить себѣ болѣе или менѣе цѣнную подачку.

Канджутскихъ посланцевъ было трое. По внѣшности канджутцы не походятъ ни на ферганцевъ, ни на гальчей. Роста они невысокаго; волосы у нихъ рыжеватаго оттѣнка, глаза свѣтло-карые, но встрѣчаются и голубые; черты лица мелкія, но и подвижныя; говорятъ они между собою па

своебразномъ нарѣчіи зендскаго корня *), обращаются же къ другимъ народностямъ на тюркскомъ языкѣ, который, однако, для ферганца нелегко понятенъ. Сами канджутцы невысокаго, повидимому, мнѣнія о своемъ происхожденіи, и одинъ изъ нихъ простодушно утверждалъ, что предками народа были лица, за преступленія ссылавшіяся въ Канджутъ, какъ мѣсто наиболѣе дикое и неприютное. Этотъ взглядъ на происхожденіе буришей Хунзы возникъ между сосѣдними народами Дардистана на основаніи созданной канджутцами репутаціи плохихъ мусульманъ**).

Главный представитель Сефдеръ-Алихана, довольно пожилой мужчина, прихо-

*) Народы всего Дардистана обыкновенно говорятъ на двухъ языкахъ. Кромѣ своего, часть ихъ говоритъ на пушту, часть по персидски, часть по тюркски.

**) Канджутцы составляютъ особый толкъ мусульманства—*моулаи*; они чтутъ Алія выше Магомета и считаютъ его воплощеніемъ божества; божественный характеръ корана подвергаютъ сомнѣнію. Хунза не отличается нравственностью: мужчины легко отдаются пьянству, женщины—разврату. (Биддельфъ. Народы, населяющіе Гиндукушъ. Асхабадъ. 1886 стр. 160).

дится какимъ-то дальнимъ родственникомъ тзума. Онъ не отличался никакими дипломатическими качествами и охотно уступилъ свое первенство другому, а самъ ограничился только поощреніями, выражавшимися безпрестаннымъ покачиваніемъ головы. Самый младшій изъ посланцевъ былъ присланъ, вѣроятно, только для счета. Онъ былъ до того непроницаемъ, что за все время, пока я видѣлъ его въ Учъ-курганѣ и позже въ Маргеланѣ, онъ ни разу не раскрылъ рта. За то средній говорилъ за троихъ.

Къ сожалѣнію, я забылъ его имя. Когда-то въ молодости онъ за какой-то проступокъ былъ посланъ отцомъ нынѣшняго правителя Канджута въ подарокъ Худояръ-хану Кокандскому. Въ Кокандѣ онъ былъ приставленъ къ пороховому дѣлу; по смерти Худояра вернувшись на родину, онъ снискалъ къ себѣ расположеніе тзума, который и поставилъ его во главѣ пороховаго производства. Въ посольство назначили его, какъ человѣка бывалаго и болѣе другихъ

знакомаго съ Ферганой, и нужно признаться, что онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе своего повелителя. Это очень смышленый и умный канджутецъ. Его наблюдательность, быстрое схватываніе мысли и пониманіе истиннаго значенія даннаго факта доказывались неоднократно весьма мѣткими замѣчаніями, которыя были бы въ пору и гораздо болѣе образованному наблюдателю.

Чтобы пробраться безъ всякихъ задержекъ черезъ Кашгарію, этотъ канджутскій Улиссъ придумалъ для наивныхъ китайскихъ чиновниковъ самую невѣроятную басню. Онъ увѣрялъ, что тзумъ послалъ его и товарищей въ Андижанъ, за покупкою какихъ-то исключительныхъ соколовъ, которыхъ будто бы можно достать только въ Ферганѣ. Кашгарскія власти, отпуская канджутцевъ, совѣтовали имъ отнюдь въ Андижанѣ не засиживаться и въ особенности не попадаться на глаза русскимъ властямъ, которые-де съ ними церемониться не станутъ. По окончаніи же покупки убѣждали возвращаться какъ можно скорѣе

домой и на обратномъ пути завернуть въ Кашгаръ,—а чтобы усыпить въ канджутцахъ всякую подозрительность, китайскій чиновникъ далъ имъ еще на дорогу немного денегъ. Канджутцы отъ денегъ, разумѣется, не отказались, но при возвращеніи на родину едва ли рискнутъ показаться на улицахъ Кашгара.

Представляясь на другой день по прибытіи въ Учъ-курганъ Командующему войсками, канджутцы повергли предъ нимъ военные доспѣхи, выразивъ желаніе, чтобы ярымъ-паша, подобно прилагаемому щиту, служилъ заступникомъ канджутскому народу передъ его врагами. Въ поданномъ тутъ-же письмѣ Сефдеръ-Али, увѣдомляя, что побывавшій въ его землѣ русскій офицеръ Громбчевскій обѣщалъ содѣйствовать установленію между Россіей и Канджутомъ болѣе оживленныхъ сношеній, просилъ Командующаго войсками осуществить эти обѣщанія, для чего и посылаетъ надежныхъ людей. Всему, что эти люди скажутъ, Сефдеръ-Али-ханъ проситъ вѣрить.

Командующій войсками, не видя въ письмѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній на характеръ дальнѣйшихъ отношеній Канджута къ Россіи, выразилъ посланцамъ свое сочувствіе и обѣщалъ съ своей стороны облегчить канджутцамъ способы сообщенія съ Ферганою, при чемъ указалъ на возможность торговыхъ сношеній непосредственно черезъ Памиры.

Такое сдержанное обѣщаніе канджутцевъ видимо не удовлетворило. Тогда они приступили съ жалобами на притѣсненія, которыя терпитъ страна отъ англичанъ, забывая, впрочемъ, упомянуть о денежной субсидіи, получаемой тзумомъ изъ остъ-индскаго казначейства. Въ особенности—говорили они—населеніе Хунзы пугаетъ настойчивость, съ какою англичане добиваются разрѣшенія улучшить дороги страны. На всѣ требованія въ этомъ направленіи канджутцы давали до сихъ поръ только одинъ отвѣтъ:—„Богъ далъ намъ землицу маленькую, пусть и дороги будутъ у насъ узенькія“.

Однако, въ послѣднее время, когда Англія чувствуетъ себя въ Хунзѣ болѣе твердо, отвѣтъ этотъ скоро перестанетъ ее удовлетворять*). Прекрасно предвидя этотъ моментъ, канджутцы старались добиться отъ Командующаго войсками обѣщанія матеріальной поддержки, при помощи которой они могли бы противодѣйствовать англійскимъ притязаніямъ. Баронъ А. Б. Вревскій воздержался, однако, отъ какихъ бы то ни было обѣщаній, которыя могли бы при ихъ выполненіи повлечь политическія затрудненія.

—Россія и Англія, два самыхъ могущественныхъ государства въ мірѣ—сказалъ онъ имъ—владѣютъ почти половиною земного шара. Нарушеніе добрыхъ отношеній между этими великими державами повлекло бы за собою неисчислимыя бѣдствія многихъ милліоновъ людей. Конечно, каждой странѣ и народу дороже всего ихъ собственная независимость, и стремленіе Кан-

*) Писано до событій, совершившихся въ Канджутѣ зимою 1891—92 г.г.

джута освободиться отъ домогательствъ индійскаго правительства каждому понятно и вызываетъ сочувствіе. Однако, ожидать отъ Россіи матеріальной помощи Канджуть не можетъ: Бѣлому Царю съ высоты его престола открывается неизмѣримо большій горизонтъ, нежели хану маленькаго Канджута, и пусть послѣдній не удивляется, если соображенія о благѣ многочисленныхъ племенъ и народовъ побуждаютъ Россію поддерживать дружбу и миръ съ Англіей.

Этимъ безстрастнымъ отвѣтомъ подтверждалось еще разъ, насколько Россія, прямо въ ущербъ окружающаго ее на Востокѣ обаянія, сдержана въ своей средне-азіатской политикѣ и чужда аггрессивныхъ стремленій. Даже просьба о снабженіи Сефдеръ-Али-хана небольшимъ количествомъ огнестрѣльнаго оружія, заявленная канджутцами въ формѣ жалобы на неудовлетворительность вооруженія ихъ страны, не встрѣтила сочувствія. Отказъ въ такой незначительной услугѣ, какою была бы посылка въ Канджутъ сотни-другой ружей, составляетъ

результатъ послѣдовательности и искренности русской политики и можетъ служить въ этомъ случаѣ живымъ упрекомъ Англіи всегда, наоборотъ, готовой тайно оказывать враждебнымъ намъ племенамъ щедрую помощь оружіемъ и матеріальными средствами.

Отказъ, повидимому, не слишкомъ удивилъ канджутцевъ, и неуспѣхъ переговоровъ не особенно ихъ огорчилъ. По крайней мѣрѣ, впечатлѣнія, испытанныя ими въ послѣдующіе дни, были такъ сильны, такъ неожиданны и многочисленны, что смягчили до извѣстной степени горечь неудачи.

За два дня нашего пребыванія въ Учъ-Курганѣ канджутцы побывали на маневрахъ собравшихся тамъ баталіоновъ Маргеланскаго общаго сбора и имѣли возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о нашихъ войскахъ. Все было для нихъ ново, все поражало взоры, и самое пылкое воображеніе оказалось ниже дѣйствительности. Когда по окончаніи маневровъ за торжественнымъ обѣдомъ Командующій войсками

поднялъ бокалъ за здоровье Государя Императора и раздалось въ отвѣтъ дружное *ура* нѣсколькихъ баталіоновъ, ошеломленные, растерянные канджутцы пали ницъ....

На вопросы о вынесенныхъ ими впечатлѣніяхъ отъ всего видѣннаго, канджутцы пріятно удивили насъ своими умными и мѣткими отвѣтами. Для примѣра приведу нѣсколько замѣчаній одного изъ нихъ, по возможности придерживаясь дословнаго перевода.

— Намъ приводилось видѣть, говорилъ упомянутый выше начальникъ пороховаго дѣла въ Канджутѣ: и китайскія войска, и войска авганцевъ, и кокандское войско; и всѣ они, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ англійскими войсками, а теперь мы видимъ, что и войска англичанъ не могутъ идти въ сравненіе съ вашими. Въ англійскомъ баталіонѣ человѣка четыре, много-шесть, настоящихъ англичанъ, остальные сбродъ, купленный на деньги,— это денежное войско: воюетъ, пока деньги платятъ. Мы только теперь узнали, что

значитъ царь и войско, какъ одинъ человѣкъ. У васъ и во главѣ русскій и послѣдній солдатъ—русскій. Отъ этого и сердце замираетъ, глядя на ученье вашихъ солдатъ. Англійскія войска, какъ только займутъ новое мѣсто, сейчасъ строятъ крѣпости и, запершись въ нихъ, ходятъ взадъ и впередъ, звеня оружіемъ. А у васъ мы много земли прошли, а крѣпостей не видѣли,—значитъ, вы народъ сильный и землю свою защищаете грудью....

— Что же вы по возвращеніи на родину разскажете хану? полюбопытствовалъ кто-то изъ насъ, обращаясь къ канджутцамъ.

— Ужъ не знаемъ, какъ и быть,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, оглядывая своихъ товарищей и простодушно улыбаясь: если сказать хану всю правду, ханъ не повѣритъ и разсердится; если же что-нибудь скрыть, значитъ согрѣшить противъ васъ и противъ хана....

— Мы ужъ объ этомъ не разъ между собою совѣтовались—прибавилъ старшій изъ

нихъ: да, видно, придется принять на свою голову гнѣвъ хана.

По прибытіи въ Маргеланъ канджутцевъ одарили многочисленными подарками. Тутъ были преимущественно произведенія нашихъ московскихъ мануфактуристовъ: ситцы, сукна, парча и шелковыя издѣлія. Не знаю только, достаточно-ли они были хороши. Желательно думать, что все это было лучшаго достоинства, иначе при сравненіи ихъ канджутцами у себя дома съ подобными же произведеніями Англіи недоброкачественность нашихъ издѣлій подорвала бы репутацію не ташкентскихъ магазиновъ, какъ они того заслуживали бы, а всей русской мануфактуры. Конечно, потеря не велика, если Канджутъ составитъ дурное мнѣніе о нашемъ производствѣ, но гдѣ идетъ борьба мануфактурныхъ рынковъ, тамъ нельзя брезгать и мелкимъ покупателемъ.

26 августа мы были въ Маргеланѣ и черезъ день выѣхали въ Ташкентъ.

